

Валерий Лохов

Ударный взвод

Повесть

Оттиск
2011

УДК 82
ББК 84(2=Рус)7
Л 75

Л 75   **Лохов В.В. Ударный взвод: Повесть.** Иркутск: От-
тиск, 2011. 104 с.

Настоящая повесть рассказывает о замечательном человеке, Герое Советского Союза Уватове Алексее Никитовиче. Наш сибиряк родился на берегах Ангары, трудился до войны в городе Черемхово Иркутской области. Сражался в степях Дона, в Сталинграде. Но свой геройский подвиг он совершил на Днепре во время его форсирования, захвата и удержания плацдарма. Всю оставшуюся послевоенную жизнь прожил в городе Усолье-Сибирское.

Автор повести – Лохов Валерий Владимирович – ветеран МВД, уже издал несколько книг, направленных на патриотическое воспитание подрастающего поколения.

© В.В. Лохов, 2011

До войны

– Мама, мама, посмотри сюда!

Мальчишка лет шести, тёмный от загара, словно цыганёнок, показывает женщине мелкую рыбёшку, нанизанную на ивовых прутьях-рогульках.

–Вижу, Алёшенька, добытчиком уж становишься.

–У тебя завтра день рождения. Испечёшь рыбный пирог?

– Обязательно испеку, с луком и твоей рыбой!

– А я потом с ребятами ещё наловлю, у меня есть корчажка для ельца.

– Хорошо, Алёшенька, иди, отдыхай, поди, устал.

– Совсем и не устал. Пойду лучше почитаю.

– А Васька завтра придёт?

–Конечно, как без него-то.

Старший брат Василий пас скот на дальних пастбищах, и порой его подолгу не было дома.

Лето 1917 года было на редкость жарким и солнечным. Ребятня из деревни Быково день и ночь пропадала на Ангаре, купаясь в её прохладной воде или в более тёплых прибрежных заливах, поросших осокой и затянутых зелёной тиной, в которых водилось много щук и толстых неповоротливых карасей. Отцов почти ни у кого из ребят не было, все на фронте. Только у некоторых есть, которые вернулись с войны инвалидами. Но чаще всего им теперь кроме как выпить ничего и не нужно больше. А ребятне – полная свобода, а летом-то какое раздолье! Зимой этого года свергли царя. Радость была у кого-то великая, кто-то боялся перемен, кто-то откровенно негодовал. Фронтовики радовались да бабёнки деревенские. Собравшись вместе на скамейке,

судачили: «Теперь и война закончится, мужики наши вернутся по домам».

А некоторые говорили, недоумевая, как теперь жить станем, без батюшки-то царя? С ним спокойнее было.

Ночью Алёше приснился сон. Он часто видел сны, но этот был особенный: яркий и уж очень походил на правду. Не думал Алёшка, что сон окажется вещим. Ему снился родной отец, которого он плохо помнил, но отчётливо запомнились большие усы. Отец, уходя на войну, взял Алёшу на руки и высоко поднял над собой: «Слушайся, Алёша, мать, привезу я тебе с фронта в подарок ножик», пощекотав Алёшины щёки своими усами, поставил его на землю. Во сне он видит, как совсем близко к нему подходит отец, на нём надета незнакомая военная форма, а на плече висит большое ружьё. Хорошо видны его добрые голубые глаза, которые смотрят прямо на Алексея, отчётливо слышен его голос: «Здравствуй, сынок. Пришёл, чтобы проститься с вами. Будь мужчиной, жизнь ваша будет тяжёлой, но интересной. Я буду далеко от вас, но стану помогать вам, как смогу. Берегите, сыны, маму!»

Его родные глаза чуть потемнели, лицо стало отдаляться и исчезло совсем.

Алёша проснулся и увидел, что в окна ярко светит солнце, его лучи залили немудреную обстановку избы.

– Какой солнечный день сегодня, – подумал Алёша, – наверное, потому, что у мамы сегодня день рождения. В нос ударил приятный хлебный дух.

– Мама печёт именинный пирог, – догадался он, вспомнив вчерашний разговор. Быстро соскочив с полатей, где они спали со старшим братом Василием, побежал на кухню. Мать, нарядно одетая, волосы заплетены и уложены в тяжёлую причёску, настоящая красавица, сидит на скамейке около стола.

– Моя мама лучше всех на свете! – подумал он, любуясь ею. Агафья, увидев сына, тепло улыбнулась ему.

– Проснулся, засоня. Скоро Васька придёт, так что вместе будем обедать. Беги умывайся.

– Ура! – закричал Алёша и помчался со всех ног на улицу, где висел прибитый к стене дома умывальник. Брызнув несколько раз водой в лицо, развернулся и уже хотел идти в дом. В это время открылась калитка из редкого штакетника и вошёл Василий, старший брат Алёши. Ему было 12 лет, для младшего брата он был большим авторитетом. Работал Вася в соседней деревне подпаском у кулака Филимона, пас большое стадо коров и табун лошадей. Вася уставал, поэтому чаще ночевал там же, но сегодня пришёл на мамин день рождения.

– Васька, а мы с мамой тебя ждём! – бросился к нему брат.

– Знаю, знаю, потому и отпросился у хозяина на один день.

Лицо у Василия загорелое, тёмное, обветренное.

Они сидели втроем за столом, который был накрыт парадной синей скатертью с красными рюшами. Посередине стола стоял начищенный до блеска самовар, рядом, на большом противне, рыбный пирог. Мать напекла ещё и пирогов с капустой, которые горкой лежали в большой миске. Увидев такой богатый стол, Алёша не удержался и спросил: Мама, а где ты столько муки взяла? У нас же её не было!»

Агафья прекрасно понимает, что правду сказать своим сыновьям она не может, хотя, быть может, старший и догадывается. Она, с грустью глядя в глаза Алёши, говорит ему: «Подрастёшь, всё поймёшь». А сама думает, что потом, позже, отработает за эту муку местному кулаку, в лавке которого она взяла её в долг.

Она налила детям из самовара по кружке кипятка, добавила из маленького пузатого чайника густо заваренного чая. В каждую кружку положила по несколько крупинок сахарина.

– Ну, ребята, пейте чай с пирогами!

Дети, обжигаясь, смешно вытягивая губы, дули на чай. Мать пила чай из блюдечка, ласково глядя на детей.

«Ой, к нам кто-то идёт, – метнулась мать к окну. – вроде никто не должен был прийти». Она увидела, что по двору,

заросшему травой, идёт хромой староста Пахомыч. У него не было одной ноги от колена, потерял на первой империалистической. В госпитале дали деревянную култышку, вот с ней и живёт. На груди у него два Георгиевских креста, почти полный Кавалер солдатской доблести. Вот деревяшка застучала по деревянному крыльцу, и Пахомыч вошёл в избу, предварительно постучав в дверь.

– Здравствуй, Агафья Семёновна! – обратился он к хозяйке дома и, сняв форменную фуражку, осенил себя крестом, повернувшись к образам, висевшим в красном углу, украшенным белоснежными полотенцами с красивой вышивкой.

– Хлеб да соль! – как было принято, пожелал благополучия хозяевам.

– Присаживайтесь к столу, Тихон Пахомыч, день рождения у меня сегодня.

– И сколько тебе, Семёновна, стукнуло?

– Тридцать с небольшим, – улыбнулась Агафья.

Пахомыч молча смотрел на раскрасневшуюся нарядную Агафью. На его вспотевшем, тёмном от загара лбу собрались две крупные морщины. Было видно, что он хочет что-то сказать, но никак не решается. Неловко теребя в руках фуражку, он присел к столу.

– Ты вот что, Агафья...

Он снова замолчал и, сунув руку в карман штанов, достал аккуратно сложенную бумажку.

– Твой Никита Минеевич погиб на фронте, вот на это бумага пришла из волости, – он положил листок на стол, поднялся с табуретки и, не глядя на хозяйку, пошёл к двери. Трудно ему глядеть на вдовье горе.

– Вы меня простите, я пойду.

Алёша, не веря своим ушам, смотрит на мать и видит, как её лицо становится белым, голубые глаза потемнели. Он никогда не видел её такой, и ему становится страшно. Он подбежал к ней, уткнулся в подол и единственное, что мог сказать – мама, мама!

Подошёл и Василий, приткнулся с другого бока. Мать, обняв сыновей, молча гладила вихрастые головы. Она скорбела молча по мужу и думала, что жизнь её сыновей будет трудной, что придётся им пройти через непростые жизненные испытания. Молилась про себя, чтобы судьба была благосклонной к ним.

Время бежит неумолимо, вроде и незаметно, но уверенно и напористо, не зная остановок. Свершилась Великая Октябрьская революция, отшумела Гражданская война, докатившись до деревни Быково похоронками. Жить стало ещё трудней, чем жили до войны. Мать, чтобы Алексей не остался неучем, при первой возможности отправила в школу. Ходить в школу ему очень нравилось, он быстро научился читать. Но как только Алексей закончил два класса начальной школы, пришла его очередь искать работу.

Жить становилось всё труднее, а ему уже шёл тринадцатый год. Скучного заработка старшего брата не хватало, они едва-едва сводили концы с концами, перебиваясь жидкой похлёбкой, иногда с хлебом. Несмотря на то, что многие сибирские деревни были более зажиточными, чем на западе, всё равно достаток был понятием относительным. Лишь немногие, хваткие и предприимчивые мужики-кулаки жили безбедно, используя для обогащения наёмный труд: дети, женщины работали наравне с мужиками, а получали гораздо меньше.

Шёл 1923 год. Страна делала первые попытки что-то изменить, искала пути дальнейшего развития. Если нэп в городах что-то и давал гражданам, то в деревне произошло становление класса кулаков. В это тяжёлое время жизнь была очень жестокой и многие, против своей воли, попадали в её грубые жернова. Особенно те из них, у кого не было отцов и которые, ради куска хлеба, были вынуждены идти и наниматься на работу к кулакам.

Всё лето того года Алёша находился со старшим братом Василием, помогая и в то же время учась древнему ремеслу пастьбе скота. На зависть многим мальчишкам, на поясе у него висел большой ножик в кожаных ножнах. Этот кли-

нок ему изготовил деревенский кузнец из плоского штыка от старой японской винтовки в счёт выпаса своей коровы. Алёша очень гордился таким приобретением. Такая вещь, как нож, очень необходима для пастуха. Бывает, вздует живот у скотины или, не дай бог, волк нападёт ночью – есть чем обороняться. Одним словом жить и работать с таким оружием намного спокойнее.

К этому времени Алексей подрост и выглядел не двенадцатилетним ребёнком, а вполне сформировавшимся подростком. Настоящий красавец парень, с исконно русскими мягкими чертами лица, чем очень сильно походил на мать. Да и ростом Бог не обидел, был намного выше своих сверстников. Настала пора впрягаться во взрослую трудовую деятельность. Он слыл хорошим пастухом в своей деревне, его наперебой зазывали местные богатеи. Но Агафья решила по-своему.

В их деревню, к родственникам, приехал богатый бурят из Аларских степей. Все звали его Гэгэном, что в переводе с бурятского обозначало «хозяин». Жил он в улусе Нэгда, недалеко от села Аларь. Гэгэн – справный хозяин, зажиточный, и известный не только в своём улусе. У него было два больших стада коров и овец, табун лошадей.

Агафья, узнав от соседей о приезде в их деревню Гэгэна, посоветовавшись с Алёшей, решила идти к нему на поклон.

Агафью заметили, когда она подходила к дому, где остановился богач. Встретили её просто и дружелюбно. Гэгэн вместе с хозяином дома сидел за большим столом, уставленным всевозможными яствами. Он аккуратно, маленькими кусочками, ел мясо, срезая его ножом с костей. При её входе в избу хозяин и гость повернулись, глядя на неё затуманенными от выпитого самогона глазами.

– Чего пришла, Агафья? – спросил хозяин.

– Здравствуйте, – поздоровалась она, и сразу с вопросом к гостю: «Слышала я, что вам пастух хороший требуется».

Гэгээн прекратил жевать, вытерев жирные руки о полотенце, которое ему подала хозяйка, и, прищурив и без того узкие глаза, уставился на Агафью.

– Моя холосый работник нужен, – промолвил он, коверкая слова. Буряты и тунгусы были частыми гостями в русских сибирских деревнях, язык они знали плохо, но неплохо объяснялись на нём.

– У меня есть парень, уже большой, со скотиной обращается давно. Возьми его на работу. Здесь, в нашей деревне, нет ему работы.

Гэгээн задумался:

– Холосо, харчи мои будут, а осенью плоизведём ласчёта. Дам три мешков муки и мясо, – такие условия договора выдвинул он. Агафья и не торгуется, рада и тому, что предложили её сыну.

– Спасибо тебе, Гэгээн.

– Утром будем ехать, приводи своего сына.

– До свидания, всего вам хорошего, – откланялась обрadowанная Агафья и пошла собирать в дальнюю дорогу младшего сына.

Ходко идёт бричка Гэгээна, но дорога кажется Алёше нескончаемой. Наконец они добрались до шахтёрского города Черемхово, куда Гэгээн заехал, чтобы купить разный товар и гостинцев домой. Проезжая по кривым улочкам из одноэтажных небольших домов, Алексей с любопытством глядел по сторонам, ощутив незнакомый запах, а также приметив, что дым из труб валит чёрный.

– Углём топят, потому и дым чёрный, и запах от него такой, – объяснил Гэгээн Алёше.

И в этом городе у Гэгээна были родственники. Прикупив в магазине товар, они подъехали к большому пятистенному дому в центре города. Встретили их с большой радостью, и Гэгээн вновь продолжил гулянье с хлебосольными хозяевами. Лицо у него уже было опухшим от пьянки, под глазами большие мешки, но обычай есть обычай: гостя надо поить. Алёшу сытно накормили, и отправили спать в пристрой, где оказалось множество клопов, которые не дали ему спать

всю ночь. А утром снова в путь-дорогу. Выехав за Черемхово, Гэгээн передал вожжи Алёше: «Ехай по этой дороге, никуда не сворачивай. Я мал-мало спать стану».

Устроившись поудобнее и положив голову на узел с подарками, Гэгээн быстро уснул и через минуту уже негромко захрапел. Проехали деревню Жмурово, а потом и Нены, а Гэгээн всё спит. Время уже приближалось к обеду, когда хозяин открыл глаза.

– Тормози, Алёшка, к святому месту бога Бурхана подъезжаем. Да и конь устал, надо отдохнуть.

Священное место находится с левой стороны дороги, на высоком месте, поросшем редким березняком. Алёша сворачивает в сторону и останавливается. Всё происходящее ему интересно, в диковину. Он спрыгивает с брички и вместе с Гэгээном идет к берёзам. Гэгээн взял сумку, поставил её на стол, который был сделан из тонких берёзовых стволов. Он достал из неё бутылку мутного тарасуна, большой кусок вяленого мяса и алюминиевую кружку. В последнюю очередь вынул из сумки небольшую красную ленточку и привязал её на ветку берёзы, сплошь увешанной разноцветными лентами и просто лоскутами ткани. Бормоча что-то непонятное на бурятском языке, сел за стол, налил в кружку тарасуна вровень с краями кружки. Ещё долго что-то шептал, глядя то в небо, то на берёзу. Одно только слово хорошо запомнилось Алёше «тенгри», его Гэгээн произносил несколько раз. За один приём Гэгээн выпил весь тарасун, смачно крякнул и начал закусывать мясом.

– На, Алёшка, ешь, – произнёс он и, отрезав солидный кусок мяса, протянул его мальчику. Поев, Гэгээн достал из кармана мелкие медные монетки и бросил их рядом с берёзой.

– Поехали, надо скоро домой.

И снова тянется монотонная ухабистая дорога. Насмелившись, Алёшка спросил бурята, что такое «тенгри»?

– О, это бог неба, наш бог.

– А у нас другой бог.

– Слышал про такого, однако. Наверное, вместе с Тенгри сидят на облаках.

Километров через пять они подъехали к Ныгде. Старый бурятский улус располагался по обе стороны от дороги, которая, проходя через него, уходила дальше.

– А куда ведёт эта дорога? – спросил Алёша.

– Дальше Иреть, потом Голуметь. Шипко далеко, однако, будет. Поближе есть ещё улус Божей, – объяснил Гэгээн.

– Тпру, однако, дома уже. Сворачивай, Алёшка, вон к тому дому, – он показал рукой в сторону, чуть поодаль от дороги, где находилась отдельная усадьба.

Вообще, у бурят, как подметил Алёша, нет заборов около домов, а вот у Гэгээна большой двор, обнесённый высоким забором из свежих досок. Крыша большого дома крыта крашенным в цвет охры железом. Видно, хорошо живёт, заключил Алёша, забор и крыша новые.

– Жить будешь, Алёшка, там, – он показал на небольшое строение, находящееся в углу двора. Взяв свой узелок с нехитрыми пожитками, собранными ему матерью, он направился к месту жительства. Осмотрев комнатёнку, он присел на табурет и его охватила тоска по родному дому, по близким. Ведь так далеко и так надолго он уехал из дому впервые. Но тосковать и долго отдыхать новому пастуху Гэгээн не позволил. На другой день рано утром он отправил его со стадом, предварительно объяснив, где находится пастбище, где речка Голуметка, из которой скот будет пить воду. С ним побежала ловкая и умная собака по кличке Жандарм.

– А кто раньше пас вашу скотину? – спросил Алёша у хозяина.

– Это дело не твоё, – оборвал его Гэгээн.

«Видать, какой-то секрет или тайна, – подумал Алёша, – да и не надо мне знать об этом, главное, что у меня есть работа».

Стадо было большим: полсотни коров и два больших быка. Алёше уже приходилось пасти скот, он знал все повадки и привычки. Гораздо большее беспокойство доставляли пауты и слепни – от них не было покоя ни пастуху,

ни скотине. Днём их становилось больше, они сплошь облепляли коров. Когда терпение у коров кончалось, они, задржав хвосты, неслись к кустам или к воде, чтобы сбить их с себя.

Буряты очень любят лошадей. Они используют их не только как гужевой транспорт, но и для еды. Поэтому буряты держат их большими табунами. Вот и в стаде, которое пасёт Алёша, есть с десяток лошадей. У Гэгэна есть ещё одно стадо, в котором много овец и лошадей. Пасёт его другой пастух, иссохший на солнце бурят. Что и говорить – богат Гэгэн, на зависть не только своему улусу, но и другим дальним и ближним улусам.

Просторны Аларские степи, есть где пасти скот. Всем степи дают питание, и людям в том числе. Не видно ни конца, ни края степей, ровная гладь простирается на много километров.

Наступил самый жаркий месяц в году – июль. Выгоняя стадо на выпас вдоль улуса, Алексей увидел, что большинство домов в улусе старые и убогие, надворные постройки отсутствуют, а крыши на всех домишках позеленели ото мха. Не может ещё Алёша понять того, что в жизни много несправедливости, почему люди делятся на богатых и бедных.

«Почему люди живут по-разному? – задаёт себе вопрос Алёша. – Почему Гэгэн богатый и имеет столько скотины, ест мясо, когда захочет, а другие едят только хлеб и воду».

Ответа он не нашёл и переключил своё внимание на бич, которым всегда пользуются пастухи. Гэгэн выдал ему в пользование замечательный бич.

Был он длинный и хлёсткий. Громко щёлкнуть им – особая наука, Алёша умел это. Щелчком бича он направлял коров в нужную сторону.

Пасти скот для него не в тягость, делает он это с удовольствием, да и пасти было легко. Тёплая и дождливая весна дала возможность траве вырасти густой и сочной, и коровы подолгу находились на одном месте. Можно было

посидеть, поразмышлять, а иногда и вздремнуть, пригревшись на солнышке.

Но не всё в степи тихо. Зарождается в степи новая жизнь, постепенно вытесняя старую. Скоро Алёша сам смог в этом убедиться. В тот день Алёша выгнал стадо, как обычно, на пастбище. Коровы медленно щипали траву, помахивая хвостами, отгоняли надоедливых насекомых. Всё было обычно и мирно, как и в другие дни. Подогнав стадо на водопой к речке, Алёша стоял на старом мостке и изредка поглядывая на коров, наблюдал за мелкими рыбёшками. Размышляя о том, что здесь можно поставить корчажку и наловить много рыбы (вон, сколько её кишит здесь!), пожалел, что не взял её из дому.

– А может попробовать сделать её? Прута ивового здесь много по берегам реки.

Завспоминал Алёша, как ходил на Ангару и в тёплых её заливах ловил рыбу. Вдруг его мысли прервались. Он увидел, что по дороге со стороны Ныгды движется конный отряд, оставляя за собой облако пыли. Вот они подскакали совсем близко, Алёша отчётливо видит красные звёзды на их военных фуражках. У каждого из них на боку висит шашка, а за плечами карабин. Отряд небольшой, человек 20 бойцов – всё молодые ребята. Заметив пастуха на мостике, они остановились. Командир ехал впереди отряда, без винтовки, но на боку у него маузер в большой деревянной кобуре.

– Здравствуй! – первым поздоровался с ним военный.

– Здравствуйте! – ответил Алёша, ничуть не испугавшись краснозвёздных всадников и сдерживая громко и зло лающую на незнакомых всадников собаку.

– Мы красногвардейцы, ЧОНовцы.

Алёша молчит, название ему незнакомо.

– Скажи-ка, дружок, не видел ли ты здесь вооружённых людей на лошадях?

Немного подумав, Алёша отвечает отрицательно.

– Если увидишь, сообщи нам, окажи помощь советской власти рабочим и крестьян.

– Ладно, скажу, только где искать вас?
– Пока мы находимся в селе Божей.
– О, знаю, недалеко от Ныгды, где я сейчас живу.
– Ну, вот и договорились. А как тебя зовут?
– Алёша.
– Мы, Алексей, – назвал его по-взрослому командир, – боремся за то, чтобы такие стада были не только у твоего хозяина, а у всех людей. А вот бандиты не дают нам это сделать.

Алёша впервые в своей жизни слышит такие слова, и всадники кажутся ему сказочными.

– Конечно, если увижу что-нибудь подозрительное, прибегу к вам.

– До свидания, Алёша.

Алёша долго провожает взглядом всадников.

«Когда вырасту, стану таким же борцом за справедливость, как они», решает Алёша, не зная ещё о том, что с ним это произойдёт, и совсем скоро.

Отряд красноармейцев, проехав по большаку ещё метров триста, свернул на дорогу, ведущую в село Божей. Его дома были видны даже с мостка.

Не напрасно ЧОН объявился в этих местах. Злобствовали ещё остатки банд Донского и Чёрного, не давая людям строить новую жизнь по другим правилам и законам. Они убивали активистов комитетов бедноты, председателей кооперативов и сельских советов. Особо жестоко расправлялись они с комсомольцами и коммунистами. Им активно помогали кулаки, в домах которых бандиты часто останавливались, укрываясь от красноармейцев на кулацких заимках.

Поздним вечером, когда Алёша уже пригнал стадо домой, он вдруг заметил, что на улице какая-то суета. Выйдя из своего жилища, он пригляделся и увидел, что к дому подъезжают всадники. Присев на крылечко, он решил наблюдать за происходящими событиями. Гэгээн, увидев гостей, выскочил из дому, запер собаку и, широко распахивая ворота, часто повторял: «Здрате, здрасте».

Хоть и не видел Алёша лица Гэгээн, но понимал, что он сейчас расплылся в угодливой улыбке.

– Проходите в дом, гости дорогие.

Не обращая внимания на громкий лай собаки, гости спешили, привязали к коновязи лошадей и молча входят в дом.

– Заходите, мы гостям всегда рады, – заискивающе приговаривает Гэгээн.

В доме зажглись керосиновые лампы, осветив накрытый стол и гостей, усаживающихся за него. Вскоре послышались пьяные крики и громкие разговоры.

Алёша притих, вслушиваясь в голоса, пытаясь понять, о чём говорят эти люди. Вдруг на крыльцо вышли два гостя и закурили, обмениваясь фразами. Алёша напрягает слух и начинает понимать, что речь идёт о том, что они хотят кого-то захватить.

– Возьмём их тёпленькими, не в первый раз.

– Прав Яков, никуда не денутся от нас эти краснопузые.

Покурив, бандиты ушли в дом. Алёша, сидя на крыльце, думал о том, что эти люди, наверное, плохие, а захватить и убить они хотят, вероятно, красноармейцев, которые встретились ему нынче в степи.

Ночью Алёше снится страшный сон. Он видит, как бородатые бандиты на лошадях скачут в Божей. В руках у них большие окровавленные сабли, которыми они хотят порубить красногвардейцев. От страха Алёша проснулся и увидел, что за окном чуть начало светать. Не задерживаясь, он выгнал стадо на пастбище. Проходя вдоль дороги, приметил, что провода телеграфной связи с одного столба срезаны и свисают до земли.

«Вчера этого не было. Кто и когда это сделал?» – подумал он и тут же догадался.

«А ведь отряд может погибнуть, и связи нет. Что-то нечистое затевают бандиты. Что делать?» – тревожно думал Алёша.

Он решил соединить провода. Для этого взял свой нож, зачистил концы и скрутил их, напрягая при этом все свои

мальчишечьи силы. Один провод оттянул от другого, чтобы они не соприкасались.

«Вот и всё, связь восстановил. О появлении банды, наверное, командир не знает, надо как-то сообщить им».

Он бегом, больше ни о чем не раздумывая, кинулся по дороге в сторону Божья, где располагался отряд. Он понимал, что красноармейцам грозит смертельная опасность, поэтому бежал со всех ног в село.

«С коровами ничего не случится, они сами знают, где пастись, где воду пить. Могут и одни побыть, без пастуха, – на бегу размышлял Алёша. – Да и Жандарм не даст им разбежаться, своё дело он знает хорошо».

Запахавшись от быстрого бега, Алексей влетел в улус с надеждой на то, что красногвардейцы ещё здесь. Он увидел, что около некоторых домов стоят привязанные лошади. Он бежал дальше и наконец увидел дом, возле которого было больше всего лошадей. Он предположил, что командир находится здесь, и не ошибся. Это был красноармейский штаб.

– Мне срочно к командиру, – громко отчеканил Алёша часовому.

– Там идёт важное совещание, жди, пострел, – сказал часовой.

– Но у меня очень важное сообщение о бандитах.

Часовой внимательно поглядел на Алёшу:

– Ну, заходи.

Войдя в дом, мальчик увидел сидящего за столом командира, с которым он тогда разговаривал, рядом с ним сидели ещё три бойца. Оружие стояло около стены. Они говорили о чём-то, на столе перед ними развёрнута карта. Услышав, что кто-то входит в дом, они подняли головы и повернулись к Алёше.

– Вы меня помните? – спросил Алёша.

Командир приветливо улыбнулся ему:

– Да, мы вчера познакомились с тобой. Ты Алёша, пастух.

– Да, я пастух из Ныгды, – облегчённо вздохнул Алёша.

– Проходи, Алексей, расскажи, что же привело тебя к нам?

Алёша присел на некрашенный табурет. Хозяйка подаёт ему ковш с водой, он кивком благодарит её и припадает к ковшу. Сделав несколько больших глотков, отдаёт ковш хозяйке и поворачивается к командиру:

– Провода на телеграфном столбе были оборваны кем-то, я их соединил.

– А мы-то думаем, почему оборвалась связь с волостью, – сказал один из бойцов.

– Бандиты у Гэгэна, ночью я слышал, что они собираются напасть на вас.

– Как это ты услышал?

– Бандиты ночевали у Гэгэна, пили. Потом двое из них вышли на крыльцо покурить и говорили о нападении, а я сидел на своём крыльечке и всё слышал.

– Сколько бандитов, Алексей?

– Десять человек.

– Ну молодец, Алексей.

Вдруг у Алёшки возникла дерзкая мысль:

– Товарищ командир, разрешите мне с вами вместе встретить этих бандитов. И дайте мне карабин или наган, я умею стрелять, – приврал Алёшка.

Командир пристально посмотрел на Алёшу. Сначала удивленно, потом с пониманием, ведь Алёша уже юноша, а не подросток.

– Хорошо, держись около меня, – сказал он и тут же приказал сидящим за столом бойцам: – Всем срочный сбор – и к околице с западной стороны улуса.

Всё сразу пришло в движение. Отряд в полном составе быстро собрался и вышел на край села.

Командир место для засады выбрал точно и сразу организовал всё быстро и без лишнего шума. Спешившись, красноармейцы заняли оборону по обе стороны дороги. Лошадей отвели в лес, чтобы их не было видно с дороги, да и пуля чтобы не достала. Выставили ручной пулемёт «ЛЮИС» французской системы, который был хорошей огневой под-

держкой в таких случаях. Алёша с интересом разглядывал его большой ствол и рубчатый диск сверху. Вместе с красноармейцами Алёша притаился за большой берёзой, рядом с командиром, которого звали Николаем Уваровым. Алёша узнал, что Николай знаменит на всю округу, он храбрый и смелый красноармеец, родом из соседнего села Голуметь.

– Дядя Коля, выдайте мне карабин, – попросил Алёша.

– Возьми наган, он в деле полегче будет. А стрелять точно умеешь?

– Что тут сложного, конечно умею.

– Послушай меня, Алёша. Когда нужно будет стрелять – взведи курок. Вот так прицельнее наводить мушку. Пересчитай патроны – их семь штук в барабане, – коротко проинструктировал Уваров Алёшу.

– Я всё понял, – тихо ответил мальчик.

Он взял в руки оружие, которое впервые держал в руках, но сразу сообразил, как им пользоваться. Вороненый револьвер был увесистым. От счастья Алёша был на седьмом небе, он и не думал, что его мечты так быстро сбудутся.

– Эх, ребята не поверят, а если поверят, то лопнут от зависти.

Командир то и дело подносил бинокль к глазам, всматриваясь вдаль.

– Передай по цепи: вести себя тихо, огонь открывать по команде.

Алексей шёпотом передал бойцу, который залёг неподалёку от них. Ждать пришлось недолго. Не прошло и часа, как появились всадники, человек двадцать. Зрение у Алёши хорошее, ему прекрасно виден каждый всадник. Он пытается сосчитать их, но сбивается. Строй лошадей нечёткий, постоянно ломается, дорога в этом месте извилистая. Наконец всадники втянулись в участок дороги, который был под прицелом красноармейцев, теперь их легко можно сосчитать.

– Двадцать три, – громко шепнул Алёша.

Всадники приблизились настолько, что можно без бинокля разглядеть их лица. Как же изумился Алёшка, узнав

в последнем всаднике своего хозяина, Гэгэна! От волнения руки его задрожали. Взяв наган в обе руки, осторожно взвёл курок. Медленно выставив ствол из-за дерева, вытянул руки вперёд.

– Огонь! – раздалась громкая команда Уварова.

Ударил стройный залп винтовок и карабинов, слившись в единый гулкий хлопок огромной силы. Алёша навёл мушку в центр отряда, туда, где не было Гэгэна, и нажал на курок.

– Огонь! – и снова ударил залп.

Алёша ловит на мушку переднего всадника и нажимает курок. Наган снова выстрелил, и он почувствовал резкую отдачу, откинувшую ствол кверху.

Алексей снова, уже в третий раз, целясь тщательней, стреляет по бандиту, который палит из винтовки в их сторону. Тот, выронив винтовку, свалился прямо под ноги своей лошади. Затрещал ручной пулемёт, добавив паники и неразберихи в ряды бандитов. Они заматались, пытаясь вырваться из зоны перекрёстного огня. Было видно, как они падают с лошадей и как падают лошади. Всё закончилось быстро. Лишь несколько всадников смогли уйти из-под огня красноармейцев. Они быстро исчезли, только клубившаяся пыль напоминала о них. Огонь прекратился, из укрытий стали выходить бойцы, держа оружие наготове. Стали осматривать место боя. Некоторые лошади, обезумев от звуков выстрелов и боли от полученных ран, дико ржали. Их пришлось пристрелить, как не жалко было это делать. Люди хорошо знали цену лошадям и чуть не плакали, добывая их, но они и понимали, что лечить их некому и нигде. Алёша шёл вместе со всеми, держа наготове наган, в барабане которого осталось два патрона. Он искал среди убитых и раненых бандитов Гэгэна, но его тут не было.

«Надо взять какое-нибудь оружие себе», – решил он, поглядывая по сторонам. Приглядевшись внимательно к лежащим на земле бандитам, он увидел у одного из них за поясом револьвер. Алёша быстро наклонился, взял и по-

ложил себе за пазуху. Никто не успел заметить, все были заняты сбором оружия и подсчётом убитых.

– Дядя Коля, возьмите наган, – вернул Алёша оружие и подумал, как же быть дальше.

Подошёл Уваров и, положив руку на плечо Алёше, поблагодарил его:

– Спасибо тебе, Алексей, за бдительность и своевременную помощь. Если бы не ты, я даже не знаю, что могло бы случиться с нами. Сегодня мы победили, не потеряв ни одного бойца. Спасибо тебе, от всего отряда спасибо.

Алёша заторопился в обратную дорогу. Стадо бросил в степи. Надо собирать коров и пасти, иначе осенью нечего будет принести в дом. Ведь теперь он работает для всей семьи, теперь он зарабатывает, как взрослый.

Мама будет им гордиться!

Великая Отечественная война

Прокопченный черной гарью небольшой сибирский городок Черемхово уже не жил прежней беззаботной жизнью, которая была в нем до военного времени. Да и сами жители стали иными, какими-то озабоченными. Война наложила и здесь свою роковую печать.

На лицах куда-то торопящихся редких прохожих отрешенность, словно они находятся не здесь, на этих кривых улочках в небольшом деревянном селении, а где-то далеко-далеко отсюда.

Небольшая группа новобранцев, чуть больше двадцати человек, под руководством пожилого лейтенанта направлялась из военкомата в сторону железнодорожного вокзала. Многие уже подзабыли строевую подготовку, а кое-кто из них вообще никогда не обучался этой науке. По этой причине строй был неровным, свободным и совсем не по ранжиру. Да и лейтенант не старался проявлять усердие, хорошо понимая, куда направляются эти ребята. От места призыва до вокзала дорога недолгая, дошли быстро.

Вся команда разместилась в стареньком одноэтажном здании вокзала, маленьком и почерневшем от давности времени. От дверей этого здания в сторону железнодорожных путей вела крутая деревянная лестница с большими, скрипучими ступеньками, поднимающаяся по земельной насыпи. Всё здесь было давно знакомо Алексею. Эта станция уже провожала его, когда он в 1932 году уходил на действительную службу, и встречала после ее завершения в 1936 году.

«Минуло уже пять лет, а все вокруг словно было вчера», – подумалось Алексею при виде знакомых очертаний вокзала, который за все это время почти не изменился.

Сопровождавший группу лейтенант хорошо знал и исполнял свое дело, находясь рядом.

– Товарищ лейтенант, можно вопрос? – спрашивает его Алексей.

– Давай!

– Куда мы будем направлены, на Восток или на Запад?

Алексей, как и все, терялся в догадках. Он отлично знал, что многие сибиряки направлены в сторону Востока. Япония, с ее имперскими замашками, захватив обширные территории в Азии, бряцала оружием на границах с Советским Союзом, помышляя отхватить Забайкалье.

– Вы передаетесь в 68-ю Забайкальскую дивизию. А направляется она на Восточный фронт. Эшелон пойдет вскорости.

– А мы полагали в Мальту на подготовку! – послышался чей-то робкий голос из числа призывников.

– Почти все вы бывшие кадровые. Да и время такое, что на фронте дорог каждый боец.

– Тогда все понятно!

– Ну, раз вам все ясно, сидите и ожидайте приказа. Да, никакой самостоятельности. Иначе по законам военного времени...

Лейтенант замолчал, не договорив того, что хотел. Хотя он кажется строгим, но это так, с виду. Он прекрасно понимал, что эти проводины могут быть последними и навсегда. На терпкие, специфические запахи самогона и браги он не обращал внимания. Сейчас для него главное, это передать своих людей в проезжающие на фронт полки вновь сформированной дивизии. Хоть и не была обстановка на фронте критической, она была тяжелой. Оперативные сводки с фронтов больно бьют каждого по душе и сердцу. Временную бронь с Алексея сняли. Хотя и очень нуждалась оборонная промышленность в той древесине, которую Алексей с бригадой заготавливал в глухих лесах Приангарья.

Враг всей своей мощью рвался к Волге, к Сталинграду. На других фронтах также все неблагополучно и напряженно. В это время угроза нависла над всей страной. Корич-

невая чума, облачившись в серо-зеленую форму мундира фашистского солдата, намеревалась растворить в своей ненасытной утробе и весь Советский Союз.

Из рупора, установленного на высоком столбе у края привокзальной площади, неслись громкие звуки до боли знакомой песни, которая доставала Алексея до самых глубин души.

«Вставай, страна огромная...»

Алексей слушал и в нем также, как и в песне, закипала злоба и ненависть к врагам, с которыми ему еще предстояло встретиться на полях сражений.

– Сильная песня, за душу берет! – проговорил его сосед по команде, притихший и внимательно вслушивающийся в немного хрипловатые звуки.

Никто из сидящих не ответил, не продолжил разговор. Песня завораживала своей правдой, мелодией и еще больше словами.

Время пролетело незаметно в разговорах и слушании баек «бывалых», которых в любой компании предостаточно.

Подошел лейтенант – быстро и, как показалось, совсем неожиданно. Сидящая на скамейках команда дружно повернулась к нему, внутренним чутьем уловив важность момента.

– Дождались, эшелон через полчаса. Быстро выходим на перрон. Наш первый путь.

Лицо у лейтенанта невозмутимо. Не впервой ему такое дело – отправлять на фронт. Почти каждый день проделывается такая работа. По этой причине, уже привыкнув, командовал совсем не по-уставному, делая свою обычную работу.

Шагая по скрипучим ступенькам, Алексей с любопытством оглядывался вокруг. Редкие кусты акаций и дикой яблони еще не тронула осенняя позолота. Они благоухали своими плодами, которые появляются на их ветвях в августе, на радость ребятам.

«До свидания, Черемхово, до свидания, родное Быково! – подумалось на прощание Алексею при виде такой сибирской красоты. – Доведется ли еще поздороваться?»

Его мысли прерывает подходящий к станции эшелон, который извещает о своем прибытии громким троекратным гудком и клубами пара, вырывавшимися из под колес локомотива с большой ярко-красной звездой впереди.

Пуская клубы черного дыма и тяжело пыхтя на крутых подъемах, паровоз буквально тащил эшелон к линии фронта. На железнодорожных станциях он проходил под грифом «Литерный» и ни в одной из них ему практически не было задержки. Машинист и всегда чумазый кочегар только успевали доливать воду в тендер около каланчи да заправляться углем на редких остановках.

Вот и Волгу миновали по грохочущему под колесами железнодорожному мосту. Сквозь мелькающие арочные фермы Алексей успел разглядеть ее величие и простор. Мысленно сравнил ее с рекой Ангарой, на которой родился и вырос.

– Здесь берега пологие и вода тихая. У нас же все наоборот.

И задумался, вспомнив родное село, родителей, брата Василия. Месяц назад как тот ушел на фронт, и от него пока ни одного письма. Как ни скор был паровоз, добирались до места назначения двенадцать дней и ночей. Наконец прибыли на конечный пункт назначения, и эшелон остановился на стоянку. Открыв двери теплушки, бойцы высыпали наружу.

«Станция Фролово», – прочитал Алексей наименование вокзала, куда прибыла воинская часть. На вокзале суета военных и гражданских лиц с бидонами и чемоданами в руках.

– Становись! – раздалась громкая команда голосом, привыкшим командовать.

Встав где кто мог, бойцы выстроились вдоль эшелона, на всякий случай поближе с теми, с кем успели познакомиться в пути.

Долго задерживать на станции вновь прибывших не стали. В небе еще господствовали асы Геринга и могли в любой момент навалиться на станцию. Командиры в быстром темпе повели бойцов к месту в городке, где проводилось обмундирование и довооружение вновь прибывшего на фронт воинства. В огромном дворе, окруженном высоким деревянным забором с колючей проволокой, помещалось множество одноэтажных, построенных из кирпича складов. Алексей сменил свою гражданскую одежду на форменную, дело для него привычное. По возможности обменявшись с соседями кто гимнастерками, кто сапогами из кирзы, бойцы в одночасье превратились в военнослужащих.

В вещевой мешок уложен сухой паек, а в кармане гимнастерки красноармейская книжка, в которой было записано, что он угодил в 202-й стрелковый полк. Выдали и оружие, в основном винтовки-трехлинейки системы Мосина с сотней патронов к каждому. И, конечно же, каждому бойцу по паре гранат РГД. Комплектование велось быстро, без всяких проволочек и ненужной суеты. Фронт приближался, и каждый ощущал ответственность момента.

В небе то и дело слышался гул пролетающих самолетов, и новобранцы с опаской вглядывались в их силуэты, пытались угадать, кому они принадлежат. Вовремя успели командиры отвести колонну пополнения. Со стороны вокзала слышались разрывы тяжелых фугасных бомб и надсадный вой пикирующих немецких бомбардировщиков. Фашисты в тот первый период пытались из всех своих сил и средств проутюжить прифронтовые районы, где разворачивались резервы советских войск. Гитлеровцы рвались к Сталинграду, тесня советские войска в обширных степях Дона и неумолимо приближаясь к Волге.

В те дни для советского командования были дороги каждый день, каждый час, отвоеванные у врага. Шестая элитная германская армия под командованием генерала Ф. Паулюса, не считаясь с огромными потерями, тяжелым валом прошла Украину и продвигалась далее, пытаясь так-

же завладеть нефтью Кавказа и перерезать главную энергетическую артерию страны – Волгу.

С большим риском, не дожидаясь ночи, полковая колонна спешно выдвинулась в сторону Серафимовичей, где уже шли ожесточенные бои. Шли пешим порядком по пыльным дорогам и по едва заметному конному следу.

Грузовиков едва хватало, чтобы погрузить в них боеприпасы и тяжелые восьмидесятимиллиметровые минометы. Пулеметы «Максим» и станки к ним несли на своих плечах. Из-под пилоток текли ручейки пота, пробивая дорожки на запыленных лицах, но отдыхать было некогда. Все шли и шли под палящими лучами солнца. Тяжел труд пехотинца на войне, много пролито пота и крови. Ругая на чем стоит свет Гитлера и его помощников, они делали свое нелегкое солдатское дело. Навстречу колонне попадают полуторки с ранеными, и Алексей чувствует, что фронт находится где-то поблизости.

– Воздух! – раздался громкий, истошный крик команды, и колонна мгновенно бросилась врассыпную. Прятаться некуда, кругом степь и ни одного деревца или даже кустика. Отбежав недалеко в сторону, Алексей, как и все, лег лицом вниз, прислушиваясь к нарастающему гулу. Всем им здорово повезло на первый раз. Немецкие летчики не стали сбрасывать на них бомбы. По всей видимости, у них было иное, более важное задание. Но для острастки обстреляли из пулеметов, чертя строчки из вздымающейся от пуль земли и пыли.

Отряхнувшись от придорожной пыли и грязи и немного оправившись от первого страха, шли дальше, навстречу все нарастающему гулу канонады. Уже в темноте сделали небольшой привал, перекусив сухим пайком и запив водой из небольшой речушки, оказавшейся на их пути. И снова дорога без остановок хотя бы на маленькую передышку, двигались таким образом, чтобы вовремя занять оборону в обозначенном на карте месте.

Полк торопился, рубеж обороны был очень важен. Идти ночью намного безопаснее, чем днем. По этой причине

полковые командиры не жалели пота, ни своего, ни солдатского, чтобы хоть таким образом сохранить личный состав. Расчет времени и пути был точен и выверен. С рассветом полк вышел в указанный район, представлявший собой недавно отрытые окопы и соединявшие их неглубокие траншеи.

– Занять оборону!

Полк, разделившись на батальоны и роты, спешно занимал позиции. Алексей со своей ротой угодил в самый центр линии окопов, так как находился во втором батальоне, которому было указано это место в обороне. Он занял себе положенное место в углублении траншеи и, положив винтовку на бруствер, оглядел поле будущего боя. Ничего нового он для себя не обнаружил. Насколько мог охватить взгляд, кругом степь.

«Это не наша Сибирь, где спасательный лес всегда находится рядом», – почему то подумалось ему. Раздумывать об этом и дальше уже не было времени, нужно приготовиться к бою, пока на это еще есть время. Он углубил, подогнав под свой высокий рост, доставшийся ему окоп. Саперной лопаткой проделал рядом с собой нишу и аккуратно сложил в нее собранные в обоймы патроны к винтовке и пару полученных гранат, вставив в них запалы. Соседи занимались такой же работой, молча и усердно.

Взводный лейтенант Петров, проходя мимо и увидев как приготовился встречать врага Алексей, похвалил его:

– Молодец, Уватов! Не забудь почистить и проверить свою винтовку.

Алексею не впервой заниматься таким делом, многому научен в прошлой жизни. Был он молод, в самом расцвете сил. Да и сила недюжинная, мышцы как сталь, закалившиеся от тяжелого физического труда, которым он никогда не брезговал. Детство было непростое – батрачил на богатеев. А когда подрос, работал шахтером, мельником, орудуя отбойным молотком с кайлом или ворочая тяжелые мешки. Чего только не выпало на нелегкую долю сибирского парня, ставшего сильным и духом и телом.

Советское командование в то время стремилось перекрыть как можно больше пространства, пытаясь оставить немецкие войска без возможности легко проходить в тылы наших войск и избежать излюбленного приема охвата в клещи. Полк перекрыл проходную дорогу, по которой пока двигались наши отступающие части. Санитарные машины и грузовики, редкие легковые машины. Шли и потрепанные в боях разрозненные части красноармейцев в грязном обмундировании, многие перебинтованные. По всему было видно отступление наших войск и приближение фронта. В синем небе, без единого облачка, то и дело вспыхивали воздушные схватки самолетов и был хорошо слышен рев их мощных форсированных двигателей и треск крупнокалиберных пулеметов.

Для бойцов все это было в диковинку. Задрав головы, они с любопытством наблюдали за их боями.

Прибыло пополнение, сформированное из числа отступающих частей и тут же вновь вводимое в бой. Они ускоренными темпами рыли вторую линию укрепления, вгрызаясь саперными лопатками в степной суглинок. Ко второй половине дня эта линия обороны из окопов, метрах в ста от основной, была практически готова.

Господство фашистов в небе давало о себе знать, и тяжелым бременем ложилось на царицу полей – пехоту. С воздуха немецкие самолеты-разведчики успешно засекали как прибывавшие свежие части, так и обладали информацией об отступающих на восток колоннах русских. Не миновал всего этого и 202-й полк, занявший оборону в десяти километрах восточнее города Серафимовичи. Выработав тактику наступления, немцы практически никогда ей не изменяли, жалея прежде всего своего солдата. В наступление они не шли, если передний край русских не был обработан авиацией или пушками и минометами. Но вот напряженное ожидание окончилось, со стороны большака раздались выстрелы, треск автоматных очередей.

«Началось. Но эта наверняка разведка», – догадался Алексей, внимательно вглядываясь в сторону дороги, до

которой было не менее километра. Но ничего там существенного разглядеть не сумел, кроме клубов пыли и дыма. Нашупав оборону русских, разведка немцев откатилась назад, предоставив делать свое черное дело авиации. Черные самолеты, словно коршуны, кинулись на выбранную добычу, выполняя приказ смешать передний край обороны русских с землей и разнести все в клочья.

– Всем укрыться!

– Ложись! – послышались громкие крики команд командиров.

Алексей, как и все, быстро ложится на дно траншеи, уткнувшись лицом вниз и охватив голову руками. Страх произвольно сковал его тело, мешая о чем-то размышлять.

Это ужасающее состояние во время первой бомбежки Алексей запомнил на всю свою оставшуюся жизнь. Какое-то наитие подсказывало ему, что с ним ничего не случится и что он останется жив. Кто знает, может, и мертвые ощущали то же самое.

Завывающий гул пикирующих бомбардировщиков вжимал тело в землю, словно искавшее у нее спасение. Тяжелые, гулкие взрывы бомб послышались со всех сторон, и огромные комья земли стали падать, больно ударяя в спину и ноги. Десять минут, в течение которых немцы отрабатывали бомбами, показались Алексею вечностью, словно бегущее время приостановилось, навиваясь на удары бомб.

Но вот все закончилось, и в наступившем безмолвии только слышны затихающие звуки удаляющихся самолетов. Бойцы поднимаются с земли из укрытий, даже приказывать ненужно. Поднявшись, Алексей огляделся вокруг себя и его взору представилась довольно мрачная картина. Все пространство перед окопами и позади них изрыто мощными разрывами бомб, воронки от которых еще дымились остатками толовой начинки фугасных бомб. Снова лейтенант Петров бежит вдоль траншеи, внимательно осматривая свое взводное хозяйство.

– Уватов, не забудь приготовить винтовку, – на ходу указал он Алексею, видя, что его оружие забросано землей, один приклад торчит.

Не теряя времени, отряхнув землю с оружия, вынул шомпол и прочистил ствол.

«Ну вот, все в порядке, готова к бою», – с любовью глядя на блестящий как зеркало канал ствола, подумал он. Достав обойму патронов из подсумка, он воткнул ее в магазин. Дослал патрон в патронник и поставил на предохранитель.

– Посмотрим, как поведешь себя в бою, дорогая.

Как с живой разговаривал Алексей со своей винтовкой, из которой еще не сделал ни одного выстрела и пристрелку которой ему придется проводить в бою. Постепенно пыль и дым рассеялись, уносимые легким западным ветром. Солнце склонилось на другую половину неба, мешая своими яркими лучами ловить мушку в прицел.

– Вот, черт побери, солнце не в нашу пользу, – чертыхнулся Алексей, попытавшись прицелиться в сторону противника.

– Ничего, приноворюсь, как потребуется, – решил он и, отложив оружие, стал пристально вглядываться в степь.

Немцы вели наступление вдоль шляха, охватывая его с левой и правой сторон. По всей вероятности, они, опьяненные своими успехами, решили ударить с ходу, без поддержки танков, которые немного отстали от головных сил. Они были уверены, что легко собьют заслон русских, как уже это у них не однажды получалось. Успех наступления пьянил и кружил головы не хуже шнапса, порой затуманивая разум. Это была непростительная ошибка. Вот и в данный момент они решили идти напролом, надеясь, что после такой жестокой бомбежки в окопах не осталось защитников.

Вдали замелькали человеческие фигуры, отлично видимые в степном ландшафте. Они с каждой минутой росли все больше и больше, и казалось, что их количество также увеличивается.

– Без команды не стрелять! – послышалась громкая команда взводного.

Алексей прекрасно знал, еще с прошлой службы, что вести нужно залповый огонь. Тем более, что большая часть красноармейцев была вооружена винтовками. Все это дисциплинирует бойцов и вселяет в них уверенность. Коллективное, оно и есть коллективное. И это наносит большой урон противнику, в то же время внося смятение в их ряды. Установив планку прицела на двести метров, Алексей принялся выбирать удобную для ведения огня позу, как учили раньше во время проведения учебных стрельб. Немецкая пехота, цепь за цепью, неумолимо приближалась. Их было много, очень много, жаждущих лишь одного – победы.

Самоуверенные серо-зеленые фигуры уже были на расстоянии выстрела. Поймав на мушку ближайший силуэт, Алексей ожидал команды на стрельбу. Страх совсем нет, одно желание – поскорее выстрелить в ненавистного врага и снять это напряжение.

– Огонь! – наконец раздалась долгожданная команда взводного.

Ударили дружно, почти враз и слитно. Алексей, выбрав свободный ход, нажал на спусковой крючок. Трескучий залп прокатился над степью. Заговорили станковые и ручные пулеметы. Ряды врагов смешались, некоторые упали на землю. Но основная масса продолжала наступление несмотря на губительный огонь.

– Огонь!

И снова дружный залп раскатился над степью. Алексей видит, как его выстрелы достигают цели.

– Не разучился! Ну, держитесь, фашисты!

Разговаривает он сам с собою, успевая только передергивать, стрелять по наступающим. Фашисты никак не ожидали такого дружного отпора со стороны проутюженных окопов русских и в нерешительности приостановились.

С их стороны раздалась крики команд и многие солдаты залегли, ведя огонь по нашим окопам. Некоторые вскакивали и короткими перебежками приближались к позициям оборонявшихся.

– Примкнуть штыки!

Команда прозвучала вовремя, вот-вот начнется рукопашная.

– Приготовить гранаты!

Отложив винтовку, Алексей взял в руку гранату. Передовая цепь фашистов, кто перебежкой, кто по-пластунски, приближалась к окопам.

Алексей видит, как зашевелилась трава недалеко от него и показалась каска. «Можно достать гранатой». Размахнувшись, он со всей силы швыряет ее в приближающихся немцев. Раздался громкий хлопок разрыва и свист осколков над головой. Полетели гранаты и от других бойцов. Алексей быстро пристегивает к винтовке штык и готовится к рукопашной схватке.

Наступая, немцы приближаются все ближе и ближе. Алексей достает из ниши вторую гранату, одетую в рубашку с насечкой. «Предупреждали. Эта может задеть и самого себя». С силой размахнувшись, он швыряет ее туда, где вспыхивало побольше светлячков на стволах автоматов. И сразу пригнулся, пропустив мимо смертоносные, свистящие осколки. Взрывы гранат прекратились, только редкая стрельба со стороны немцев. Из наших окопов также велась редкая ответная стрельба.

– Вперед, за Родину!

Повернувшись на крик, Алексей видит, как их взводный стоит на бруствере во весь свой рост и громко кричит, размахивая пистолетом:

– За Родину! За Сталина!

Снова раздается его призывный крик, и это возымело действие на подчиненных. Страх нет, одно желание действовать. Огромный, неведомый импульс выбросил Алексея из окопа. Схватив инстинктивно винтовку «наперевес», как учили, он бросается вперед, как и все, громко крича «ура» и не слыша свиста пуль. В голове ни одной мысли, лишь взгляд устремлен на врага. Подсознание просчитывает его возможности и уязвимые места, чтобы нанести самый верный, смертельный удар. Руки еще крепче сжимают цевье винтовки, а мускулы наливаются нечеловеческой силой.

Самое страшное и жуткое на войне – это не стрельба, не тяжелые изнурительные походы. Это так часто происходящая, скоротечная рукопашная схватка. Душа противится видеть глаза врага, обезумевшие от ярости и ненависти и тут же начинающие угасать от сжатых пальцев на горле или ножа, ударившего в самое сердце.

Огромными шагами, похожими на прыжки, на какие только способен человек, красноармейцы неудержимо неслись навстречу смерти. Преодолев все барьеры и препоны, которые может выстроить техника, они уже без страха готовились к самому страшному в этой жизни – лишению жизни другого, – и им все уже было нипочем.

Единый порыв влек Алексея вперед, навстречу неизвестности, которая была совсем близко и ощерилась плоскими штыками винтовок и черными дулами автоматов. Она также готовилась встречать идущих в контрнаступление красноармейцев. Обоймы у большинства расстреляны, заряжать оружие совсем нет времени. Одна надежда на штык или приклад. В эти мгновения разум не работает: слишком инертны мысли человека, и в решающий момент они могут погубить. Работает заложенный веками инстинкт самосохранения, способный на все изощренные способы защиты и нападения, и этот инстинкт ничем не брезгует. Крики людей успокаивают как-то себя и навевают ужас и страх на противника, поэтому их рты перекошены от дикого, душераздирающего вопля.

Но вот наступил момент схватки, и уже все происходит почти в молчании, лишь редкие предсмертные вскрики, хрипы, стоны. Алексей видит, как прямо перед ним здоровенный рыжий в каске лихорадочно пытается вставить магазин в автомат, но у него это не получается, а возможно, ему уже не хватает времени сделать это. Сходу Алексей бьет по каске прикладом. Боковой удар достигает цели. Выронив из рук автомат и резко взмахнув руками, словно пытаясь защитить голову, немец валится на землю. Все это он видит боковым зрением, а взгляд устремлен вперед. На него несется фашист с винтовкой, молча, без стрельбы, на-

мереваясь вонзить свой плоский длинный штык в живот Алексею. Немец совсем юный, безусый мальчишка. Но это враг и раздумывать об этом нет ни одной секунды. Мгновенный сильный удар по его винтовке – и штык проходит мимо, едва не задев гимнастерки. И снова удар приклада об голову, который с глухим треском расколочил череп этому совсем юному парню. Алексей уже в возрасте, идет тридцать второй год, и все те, кто младше его, казались ему мальчишками, совсем юными людьми.

Далее все происходило, словно в тумане, и мало что запомнилось Алексею. Он бил прикладом, орудовал штыком, делал выпады и уклонялся сам. Ему приходилось нападать самому и отбиваться от нападающих на него немцев. Но вот все закончилось – неожиданно и резко. Придя в себя, словно очнувшись от какого-то странного, непонятного состояния, он видит, что оставшиеся в живых немцы убегают. Бегут резво в ту сторону, откуда пришли. Видны только болтающиеся сбоку торбы-фляги да быстро мелькающие ноги.

Дорого обошлась контратака и для наших войск. Вперемешку с немцами лежат и русские, отличался только формат одежды.

– Возвращаемся!

Это орет взводный, лейтенант Петров. Осторожно ступая, обходя трупы, Алексей медленно двинулся в сторону своих окопов. Видя, что штык винтовки весь в крови, он тщательно обтер его о мундир убитого немца, лежащего лицом вниз, с широко раскинутыми руками, впившись в землю скрюченными пальцами во время предсмертной агонии. Взгляд упал на валявшийся рядом с ним автомат, который так близко Алексей видел впервые. «Надо прихватить, – решил он и подобрал оружие. – Не помешает и боезапас».

Увидев торчащие магазины со снаряженными желтыми патронами, Алексей отстегнул подсумок с убитого немца. Это было первое боевое крещение, удачно сложившееся в

пользу оборонявшихся. Как и все оставшиеся в живых, он был воодушевлен и немного самоуверен.

«Значит, можем бить немца. Почему мы в таком случае отступаем?» – задавал он самому себе вопросы и пока не находил на них ответов. Вернувшись на исходные позиции, в свои окопы, осмотрелись. Не менее трети личного состава взвода навсегда осталось лежать в поле перед окопами. Немало полегло и фашистов, навсегда нашедших приют в степях Дона. Героический порыв батальона на какое-то время задержал продвижение немцев. Отойдя на приличное расстояние, немцы «зализывали раны», приходя в себя и поджидая подкрепление.

Не дав передохнуть как следует нашим бойцам, ударили их минометы и артиллерия, заставив красноармейцев вновь прятаться в окопы и молить всех святых о своем спасении. Обработка снарядами и минами передовых позиций – минут пятнадцать, не более того. Особо наводил ужас немецкий шестиствольный миномет, прозванный «ванюша», таким страшным и жутким воем, что у бойцов шевелились волосы, а по спине ползли «мурашки».

Алексею даже захотелось обратиться в крота и зарыться глубоко в землю. Обстрел прекратился внезапно, и наступила долгожданная тишина. Немецкое командование решило сбить наш реденький заслон в тот же день, несмотря на постигшую их первую неудачу. На позиции батальона ринулись новые цепи фашистов. За это время Алексей сумел поближе ознакомиться с немецким автоматом системы «шмайсер». Он оказался для него очень простым и удобным в обращении. Освоил быстро, вынув магазин и пощелкав вхолостую без патронов.

«Пригодится в ближнем бою», – решил он и, зарядив его новым, полным патронов магазином, отложил в сторону, взяв в руки надежную, проверенную трехлинейку.

В этот раз наступало немцев намного больше, чем в первый, цепи стали гуще, и это было хорошо видно невооруженным глазом. На этот раз командиры решили открыть огонь с дальней дистанции, так как основная масса наших

солдат вооружена винтовками и необходимо было использовать преимущество дальнего боя.

Защелкали редкие выстрелы, вразнобой. Не отставал и Алексей от других, посылая пулю за пулей. Тщательно целясь, он вел огонь по немцам, стараясь реже промахиваться. Его зоркий взгляд цепко впивался в серо-зеленую фигуру, а прищуренный глаз помогал тщательно целиться и как-то укрываться от мешавших стрельбе ярких солнечных лучей, светивших прямо в глаза.

Но несмотря на ружейно-пулеметную стрельбу и не считаясь с потерями, немецкие цепи приближались все ближе и ближе. Некоторые из них, не выдерживая плотного и губительного огня, ложились на землю, видя как рядом падают сраженные. А дальше, где ползком, где перебежками, они очень близко приблизились к окопам, а некоторые уже стали швырять гранаты, стараясь попасть в цель. Со стороны наших окопов в немцев полетели их же, трофейные гранаты с длинными деревянными ручками. Громкие хлопki разрывов и свист осколков заставили Алексея ненадолго пригнуть голову, спрятавшись за бруствер.

«Пора за автомат браться, – решил он, и оттянув рукоятку взвода «шмайсера», высунулся из окопа и лег на бруствер. – Ну, с Богом. Опробуем немецкую машину», – подумал он и принялся выискивать ближайшую к нему цель. Откинув складной приклад, приложил «шмайсер» к плечу. И вовремя успел приготовиться: еще бы несколько секунд и дело могло бы кончиться печально. Прямо перед его окопом наступали три-четыре фашиста, которые были недалеко и почти непрерывно строчили из автоматов. Над головой то и дело слышался посвист пуль, но Алексей уже не кланялся им, не прятал голову. Взяв в прицел самого ближнего, нажал на спуск. Без привычки и навыков из автомата длинной очередью вылетело сразу с десятков пуль.

– Не спеши, – говорит он себе, – раз ствол задирает вверх, значит целиться нужно пониже.

Потратив первую очередь вхолостую, он снова подводит мушку автомата под низ живота фашиста и плавно на-

жимают на спуск. Короткая очередь, в три-четыре патрона, буквально скосила немца, который с разбегу рухнул на землю, выронив из рук винтовку.

«Попал!» – обрадованно подумал он и быстро перевел ствол в сторону второго, который был уже почти рядом с его окопом, и в руках у него была граната. Размахнувшись, он намеревается швырнуть ее в окоп. Алексей быстро берет и его на мушку и стреляет, крепко держа автомат, чтобы справиться с отдачей. И снова пули достигли цели. Метнув взгляд по сторонам, он видит, что бой у самых окопов и немцы вот-вот ворвутся в них, сломив первую линию обороны. Расстреляв остатки магазина в приближающихся фашистов, Алексей отставил в сторону трофейное оружие и взял винтовку, которая была намного пригоднее в рукопашной схватке. Успел сделать все вовремя, иначе смерть могла его не миновать. Разгоряченный боем немец был уже рядом и намеревался спрыгнуть в окоп, взяв в одну руку свой автомат. Это и спасло Алексея, который вовремя сориентировался. Штык его винтовки вонзился в живот фашисту, и он уже обмякшее тело, словно охапку сена на вилах, перебросил на другой край окопа, даже не услышав предсмертного стога фашиста.

Время и обстоятельства постепенно сделали из Алексея механическую машину для уничтожения, безо всякой жалости и сострадания к фашистам. Не теряя времени, он бросается вдоль траншеи, видя как на его соседа, совсем молоденького, щуплого парнишку, навалился здоровенный немец. Уцепившись в его горло волосатыми, в конопушках, руками и придавив к земле коленом, пытается его задуть. В глазах солдатики ужас и безысходность.

Ударом приклада по затылку он сбивает насевшего фрица, а сам бросается дальше. В траншее замелькали немецкие каски. Стрельба и разрывы гранат практически прекращаются, только слышны гортанная немецкая речь да знакомый русский мат. Немецкая пехота ворвалась в переднюю линию обороны батальонов. Наверное, еще кое-где наши бойцы были слабы духом, а кое-где и количеством силы.

Пришлось отступать под неприцельный, торопливый огонь немцев, занявших траншею. Остатки бойцов – где разрозненными группами, где в одиночку – неслись к позициям второго эшелона обороны. Заняв передовую траншею, изрядно потрепанные немецкие части решили сделать небольшой перерыв и вновь подготовиться к наступлению.

От взвода осталось меньше половины уставших бойцов. лейтенант Петров, собрав его остатки, сосредоточил в одном месте, сделав вновь боевой единицей. Не миновала пуля фашиста командира, ранив его в голову. Но выходить из боя он не собирался, зная, что заменить его пока некому.

День клонится к закату, оранжевый диск солнца вот-вот уйдет за горизонт. Измотанные бойцы молили Бога, чтобы такой кошмар в этот день больше не повторялся и они смогли поесть и отдохнуть.

Командиры прекрасно осознавали, что еще одна, другая атака немцев и все будет кончено. Уничтожить или даже надолго задержать этот напор врага они пока не смогут и в лучшем случае просто все погибнут. Оставалось принять серьезное решение – уводить остатки бойцов в тыл от неминуемой гибели или выполнять приказ Сталина за номером 242 «Ни шагу назад».

Ближе к полуночи благоразумие командиров сработало и оставшиеся в живых бойцы, тихо снявшись с позиций, направились в сторону восточную, по пути еще долгого отступления до самых стен Сталинграда. Вместе со всеми шагали в ночи и Алексей – с невеселыми мыслями и настроением.

* * *

Отгремели бои в междуречье между Доном и Волгой. К исходу 12 сентября 1942 года вражеские войска стояли почти у стен тракторного завода, не более чем в пяти километрах от центра Сталинграда. Как же так могло случиться, что войска немцев оказались у берегов Волги? Несмотря на колоссальную мощь Советского Союза и героизм советских

людей! Начало этой громадной трагедии положил Барвенковский выступ, в котором маршал Тимошенко разместил свою армию и который захлопнул назначенный на командование 6-й ударной армией немцев Ф. Паулюс совместно с танками Клейста. Операцию курировал лично И. Сталин, мечтая с этого плацдарма развить заранее обреченное наступление.

В результате осталась одна надежда на перелом в оборонительных боях, развернувшихся в пригородных районах и в самом городе. Город прикрывали две армии: 62-я и 64-я. 62-ю армию к этому времени возглавил опытный командующий В.И. Чуйков, а 64-ю – Н.С. Шумилов.

13 сентября, не задерживаясь, гитлеровцы кинулись на штурм главной воинской твердыни. Основной удар они наносили в направлении Мамаева кургана и железнодорожного вокзала, намериваясь очень быстро выйти к Волге.

Волею судьбы и Бога Алексей за это время остался жив и даже не был ранен. Он сполна хлебнул тяжесть и горечь отступления, потерю товарищей. Ему доверено командование отделением во взводе Петрова. За это время они с ним основательно сдружились. Понимал и уже не раз испытал лейтенант, что на серьезного сибиряка можно положиться и поручить любое задание.

Остатки части, как самостоятельная единица, влились в 62-ю армию, оказавшуюся в самом центре происходящих событий в Сталинграде. 202-й полк занял оборону у железнодорожного вокзала, находящегося почти в самом центре города. Фашистская авиация основательно поработала над городом, в том числе и над вокзалом. От взрывов мощных фугасных бомб вокруг были почти одни развалины.

Надо сказать, что местные жители прекрасно подготовили «третью линию обороны». Но большая часть укреплений была разрушена авиаполетами немцев, которые, как стервятники, постоянно кружили над городом, высматривая богатую добычу. Лейтенант Петров построил свой взвод для постановки боевого задания:

– Нашему взводу поставлена задача – не пропустить немцев к вокзалу, потому как, пройдя площадь Девятого января, они сразу окажутся у Волги, расколов 62-ю армию надвое. А это, как вы понимаете, не очень благоприятно может закончиться. С собой взять как можно больше боеприпасов, особенно гранат.

Он окончил инструктаж, внимательно рассматривая каждого бойца. Взвод недавно получил пополнение и был укомплектован до полной штатной численности – двадцать пять бойцов. В отделении Алексея семь человек. С тремя прошел огни и воды чуть ли не от самого Дона, а четверо – новое пополнение.

«Ничего страшного, в деле проверим и научим», – подумал Алексей, вспомнив, как он сам и его товарищи были сходу брошены в самое пекло сражения под Серафимовичами.

Батальон походной колонной выдвинулся в сторону вокзала. Шли быстро, обходя воронки и развалины. Им повезло – под бомбежку или обстрел не угодили. Взвод Петрова разместился на втором этаже административного здания вокзала, чуть сбоку от основного строения. Отсюда просматривалась вся привокзальная площадь и часть прилегающих улиц.

«Отличная позиция», – подумал Алексей, выбирая пустую глазницу окна для своей бойницы. Бойцы быстро заняли указанные им места. Все делали молча и быстро, чувствуя ответственность момента.

Алексей давно сменил свою трехлинейку на автомат ППШ. Хотя и тяжел, девять килограммов со снаряженным магазином, но более надежный в ближнем бою. А именно такие и предвиделось вести в самом городе, скоротечные, когда нет времени перезарядить оружие. Обойдя своих бойцов, Алексей убедился, что все приготовились.

«Можно и перекусить перед боем», – решил он и, развязав вещевой мешок, выложил запасные патроны и сухой паек. Бойцы, глядя на своего командира, принялись делать

то же самое, не обращая внимания на редкие разрывы бомб, которые пока их не доставали.

Алексей еще не знал, да и многие его товарищи тоже ничего не ведали о том, что против 50 тысяч бойцов 62-й армии, немцы выставили 170 тысяч солдат и офицеров 6-й армии, самой лучшей и боеспособной из всех германских войск. И этот мощный удар им предстояло выдержать, не позволить немцам сбросить наши войска в Волгу, как намеревались те сделать это почти сходу.

К Алексею подошел парторг роты командир второго взвода лейтенант Чепизубов:

- Ну как, готовы встретить фашиста?
- Готовы, Петр Иванович. Дадим фрицам прикурить.
- Не так все просто, Алексей. Сила будет несметная. Поговори с бойцами, нелегко им придется сегодня.
- Бойцы у меня надежные, думаю, что не испугаются.
- Ну, хорошо! В партию-то собираешься вступать?
- Вот отстоим Сталинград, тогда посмотрим.
- Чего так поздно? Хорошо, потом поговорим об этом.

И он пошел дальше, от бойца к бойцу, от командира к командиру, находя с каждым общий язык, зная, о чём спросить и каким образом ответить. В роте парторг был уважаемым человеком, хотя его возраст чуть более тридцати. Кроме того, любили его бойцы за душевные качества.

Ночь прошла спокойно, лишь иногда небо прочерчивали ракеты, освещая пространство мерцающим бледным светом, делая лица сияющих бойцов загадочными. Но они этого не видят, спят крепким богатырским сном. Алексей отдыхает вместе со всеми, положив под голову тощий вещевой мешок. Ранняя осень уже дает знать себя ночной прохладой, и некоторые бойцы во сне подтягивают на головы шинели. Наступило утро тридцатого сентября, роковая отметка начала сражения, продолжавшегося долгие 125 дней и ночей. Алексей, словно предчувствуя такое, проснулся рано, душевные тревоги не покидали его и во сне. Ему снилась родная деревня на берегу реки, Ангара, по которой он ещё мальчишкой уже уверенно и лихо плавал,

пуская фонтаны брызг и пузырей. Резко, без дрёмы, открыл глаза и обнаружил, что находится не на берегу родной реки, а в незнакомом, полуразрушенном здании, где вся мебель и инвентарь опрокинуты и валяются в беспорядке по комнатам.

«Успели отдохнуть как следует», – порадовался он выпавшему удачному случаю, потянулся так, что затрещали суставы.

– Подъём! – скомандовал он своим бойцам, которые всё ещё безмятежно отдыхали на полу. Без всякого ропота, но с неохотой, те поднимались, с удовольствием потягиваясь и разминаясь. Новый день начался с завтрака рыбными консервами с черным, чёрствым хлебом. Алексею казалось в этот момент, что нет ничего в целом мире вкуснее этого. Молодой, сильный организм требовал своё. Покончив с чудо-завтраком, сразу же принялись готовиться к бою. Кто чистил ствол, кто набивал магазины маслянистыми новенькими патронами. Это уже входило в привычку – делать свою обыденную солдатскую работу, требующую постоянной готовности к бою. Огневой налет вражеской артиллерии и бомбардировка с воздуха авиацией начались одновременно по всем кварталам и жизненно важным объектам и узлам. Почти вся тысяча имевшихся в распоряжении фашистов самолетов приняла участие в этом варварском акте. Кружась над дымящимся городом, они поочередно сбрасывали бомбы. Зданию, где расположился взвод, здорово повезло в первое время, его не задела ни одна из бомб, чтобы серьёзно повредить. Но нет ничего вечного, пришёл конец и этим ужасным авианалётам. Всё стихло и в непривычной тишине ухо Алексея уловило гул моторов и характерный лязгающий звук траков гусениц.

«Танки!» – догадался Алексей, потому как такие звуки он слышал и ранее и они ему были знакомы. Сосредоточив все свое внимание, он начал всматриваться в их сторону. Из примыкающей улицы, с лязгом и грохотом, на площадь выкатил танк с резкими угловатыми формами.

«Т-2», – угадал Алексей серийную модель немецкого железного монстра по характерным формам и короткоствольной пушке. Из-за танка осторожно высыпала пехота, не стреляя и вертя касками, осматривалась по сторонам. Расстояние до них небольшое, какая-то сотня метров. У Алексея на этот счет уже выработался глазомер, и он редко когда ошибался. Он видит, как из противоположной им улицы красноармейцы дружно и быстро выкатили небольшую, приземистую пушку. Он узнал в ней знакомую противотанковую пушку 45 мм калибра, или, как еще ее называли, «сорокопятку». Артиллеристы почти мгновенно установили орудие, подтащив поближе ящик со снарядами. Немецкие танкисты заметили опасность, и башня танка начала разворачиваться. Но они не успели сделать даже одного выстрела. Сорокопятка открыла огонь, звонкими хлопками и очень точно. После второго выстрела танк загорелся. Но тут произошло неожиданное. Из-за горящего танка выехал другой танк и на большом ходу ринулся прямо на оружейный расчет. Осмелевшие фашисты кинулись вслед за ним, надеясь укрыться от пуль за броней. Не прошло и минуты, как пушка была подмята гусеницами, а пытавшийся спастись артиллерийский расчет был расстрелян пулеметным огнем из танка.

– Огонь! – раздалась громкая команда, которую с нетерпением ожидал каждый боец. Но почему-то замешкались на секунду, другую.

– Огонь! – раздалась повторная команда.

Немцев много, очень много. Ударили бойцы взвода дружно, из всех имеющихся стволов. Огонь губительный, фрицы как на ладони. Алексей ведет стрельбу из своего ППШ, стараясь направить ствол туда, где виднелась фуражка офицера. Серо-зеленые мундиры заматались, фланговый огонь подействовал отрезвляюще. Но большая часть из них успела миновать площадь и устремиться в глубину вокзала.

«Ничего. Встретят и там вас», – размышлял Алексей, видя такое дело. Оставлять у себя в тылу стреляющее из

всех окон здание фашистам не хотелось, и они решили расправиться с его защитниками. До роты противника приступили методически обкладывать опорную огневую точку, мешающую им идти дальше в наступление. Непрерывно строча по окнам, короткими перебежками, они медленно приближались к строению. Подбегает лейтенант Петров, озабоченный, с пистолетом ТТ в руке:

– Уватов, бери двух бойцов и двигай к тыльной стороне здания. Фрицы могут оттуда подобраться.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант!

Пригибаясь ниже окон, чтобы не задели пули противника, Алексей метнулся к своим бойцам, стрелявшим из ближних окон:

– За мной. Заберите с собой патроны и гранаты.

И вот он быстро занимает оборону у окон с противоположной стороны. Только успели осмотреться и приготовить оружие, как появились фашисты. Шли нагло и открыто, уверенные в своем успехе. Некоторые уже готовили гранаты с длинными деревянными ручками, отвинчивая у них колпачки. Ударили в упор длинными очередями, которые буквально смели передних. Кто был позади, заметались под пулями красноармейцев. Автомат Алексея бил длинными очередями, пока в магазине не закончились патроны. Сухо щелкнув, затвор встал в переднем положении. Не мешкая, достав пару гранат из вещмешка, он с силой швыряет их, одну за другой, в самую гущу фашистов. Не выдержав такого отпора, они откатились, оставив десятка полтора убитыми. На какое-то время сражение затихло и наступила передышка.

– Молодец, Уватов!

Услышав знакомый голос, Алексей обернулся и увидел парторга. В руках у того автомат. Вместе со всеми отбивал атаку противника. Алексей немного смутился от такой похвалы.

– Не пустим мы их к Волге, товарищ лейтенант, это точно.

– Выстоим. Ты вот что, Уватов, давай вниз со своими бойцами.

– А почему?

– Видишь, немец пускает ракеты в нашу сторону? Это они указывают ориентиры для стрельбы.

– Хорошо, товарищ лейтенант.

Но он не успел этого сделать. С шелестом прилетели снаряды и стали рваться. Один из них с воем угодил прямо в здание, влетев через окно, и оглушительно разорвался.

Алексей инстинктивно упал на пол, закрыв руками голову. Его обдало взрывной волной, больно ударили в спину крошки кирпича. Хуже пришлось парторгу Чепизубову. От взрыва обвалился большой кусок стены и упал на ноги лежавшему под ней лейтенанту. Услышав крик, Алексей бросился на помощь. Пострадавший лежал лицом вниз, и, несмотря на его попытки подняться, они ему не удавались, а лишь приносили боль и страдания.

Положив автомат, Алексей уцепился за край глыбы обеими руками. Крепкие рабочие руки напряглись, словно стальные пластины. Но не так просто сбросить глыбу, слишком тяжела. Кровь ударила в голову от напряжения. Вены на шее взбугрились, а гимнастерка затрещала по швам. Лицо исказилось от натуги, и он с диким криком все же сумел приподнять и даже откинуть эту сверхтяжелую глыбу. Алексей с облегчением вздохнул, смахнув рукавом бисеринки выступившего на лбу пота. Лейтенант попытался встать, но тут же с криком от боли повалился на пол. Подняв раненого, Алексей осторожно усадил его спиной к стенке.

– Потерпи немного, товарищ лейтенант. Сейчас вызовем санитаров.

Алексей бегом направился к телефонисту, единственному му, кто мог связаться со штабом батальона.

– Вызови санитаров, парторг ранен.

– Будет сделано!

Он покрутил ручку полевого телефона, стоящего в углу на столе и приложил трубку к уху.

– Алло, алло, санбат? – громко, почти крича, спрашивал он неизвестного на другом конце провода. – У нас двое раненых, нужны санитары.

Телефонист замолчал, ожидая ответа, но, по всей видимости, его сразу не узнали

– Как кто? Это я – «шестой».

Положив трубку на аппарат, доложил:

– Пришлют скоро санитаров из медсанбата, так что ожидайте.

Бегом Алексей возвращается на свое место. Он видит искаженное болью лицо парторга. Как может, он его успокаивает и подбадривает:

– Потерпи, Петр Иванович, санитары вот-вот с носилками придут.

– Спасибо, Уватов, потерплю, конечно.

Лицо парторга бледное, под глаза легла синева. Вскоре появились санитары с носилками. Алексей помог им осторожно погрузить парторга с перебинтованными ногами.

– Возвращайтесь поскорее, товарищ лейтенант.

– Я вернусь, обязательно вернусь.

Проводив парторга, Алексей принялся наблюдать за обстановкой.

– Никола, как настроение? – спросил он соседа новобранца.

– Все в порядке, товарищ сержант.

– Смотрите внимательнее, чтобы не смогли подкрасться к окнам.

– Пускай идут, есть чем встретить.

И снова атака немцев, перерыв длился недолго. Алексей видит, что на спинах у некоторых странные ранцы-баки, а в руках длинные штанги. «Огнеметы!» – догадался он и приказал своим бойцам:

– Стреляйте в огнеметчиков, не подпускайте их близко к окопам, – скомандовал он своим бойцам. – Эта штука страшнее гранаты.

Алексею никак не хотелось быть заживо сожженным жутким аппаратом.

Огонь открыли дружно, как только разобрались что к чему.

Один из огнеметчиков зашатался и упал лицом вниз, подставив спину с баком для горючего красноармейцам.

«То, что нам нужно!» – догадался Алексей, и переведя автомат на одиночный огонь, стал тщательно целиться. Расстояние неблизкое, почти сотня метров. Ведя одиночный огонь, он быстро пристрелялся по фонтанчикам пыли. Наконец одна из пуль достигла ранца. Не успел фашист отключить свой аппарат, смесь загорелась, взметнувшись вверх столбом пламени. Взорвавшийся бак облил горячей смесью еще троих или четверых. Раздались громкие, дикие вопли горящих.

«Так вам и надо!» – со злостью подумал Алексей, удовлетворенный своей точной работой. И эта атака была отбита. Но ненадолго, не прошло и часа, немцы перегруппировались, добавили численность и вновь, с новыми свежими силами, ударили по вокзалу.

Дело клонилось к вечеру, фашисты неудержимо напирали. От взвода осталось чуть больше половины, кто погиб от пули, кого придавило в развалинах. К исходу дня был получен приказ отступить вглубь и занять оборону в здании вокзала. Под покровом темноты остатки взвода Петрова отошли, заняв более выгодные позиции для защиты вокзала. Наступило утро 14 сентября, второй день битвы. На узком участке фронта враг сосредоточил шесть дивизий, в небе кружили сотни самолетов со смертоносной начинкой. Накал ожесточенной борьбы нарастал с каждым часом. Вокзал очень огромный, загроможден железнодорожными разбитыми составами, вагонами. От прямых попаданий автобомб всюду пожары, горят цистерны и платформы. Непрерывно пикирующие бомбардировщики утюжат и без того разбитую станцию, прилегающие к ней постройки. В небе дым, гарь, порой закрывающие солнце.

Немцы уже заняли большую часть вокзала и быстро оборудовали огневые точки в удобных местах. По этой причине промедление с новой контратакой обошлось бы дорогой

ценой для наших. Взвод Петрова получил приказ атаковать скопившихся немцев и очистить вокзал.

Выйдя из здания, рота заняла позицию для атаки, рассыпавшись по фронту.

– Вперед!

Команда подстегнула бойцов, и они, молча, без крика «ура» кинулись очищать железнодорожные пути. Алексей со всеми вместе, стараясь держать свое отделение поблизости от себя. Но немцы были готовы встречать наших и с их стороны ударили автоматы и пулеметы. Над головой засвистели пули строчками крупнокалиберных пулеметов, словно стаи огромных шмелей. То справа, то слева стали раздаваться вскрики сраженных бойцов. Плотный огонь заставил бойцов улечься где придется. Стараясь укрыться от смертоносных пуль, они повели ответный огонь.

Алексей видит, как в полосе наступления их взвода, на дальнем конце вокзала, немцы устроили целый ДЗОТ, натащав для укрытия все, что попало под руку, и установив несколько пулеметов, которые почти непрерывно вели огонь по нашим бойцам.

– Что будем делать? – к Алексею подполз командир взвода. – Идти в лоб, положим своих.

Прав лейтенант, но приказ никто не отменял, и вокзал необходимо захватить.

– Что будем делать? – снова повторил свой вопрос лейтенант. В его голосе отчаяние.

Алексей, внимательно осмотревшись вокруг, очень быстро приходит к решению. Мысль ударила сразу, словно молния в ясный день, высчитав сразу оптимальное решение.

– Полагаю, вон тот старенький вагон, – он указывает рукой на еще сохранившийся в этой кутерьме бомбежек и обстрелов вагон, – пустить по рельсам прямо на немцев.

– Так, понятно, а что дальше?

Командир пытается понять ход мыслей Алексея, в голосе нетерпение.

– А мы за ним вслед, можем поближе подобраться к этому дзоту. А там гранатами забросаем, – изложил он свой план.

– Мысль верная. Давай со своим отделением к этому вагону.

Побитая осколками и пулями обшарпанная теплушка цвета темной охры хотя и была неподалеку, к ней еще нужно подобраться под шквальным огнем немцев.

– Короткими перебежками вон к тому вагону, – Алексей указывает своим бойцам направление. – А я вас прикрою огнем.

Перезарядив свой ППШ, он сразу же повел огонь в направлении злосчастной огневой точки. Стрелял без остановки длинными очередями, заставляя немецких пулеметчиков прятать головы от его пуль. Огонь с их стороны ослаб, и его бойцы, пригибаясь, бросились в указанное место, где стоял вагон.

Бросок был настолько стремительным, что им не пришлось даже ложиться. Но вот в диске закончились патроны и автомат Алексея замолчал. Бойцы быстро догадались, что от них требуется. Из всех стволов они открыли огонь, прикрывая своего командира. Не раздумывая, чуть пригнувшись, он бегом, за какие-то мгновения, достиг цели.

– Толкайте вагон! – сразу же приказал он своим бойцам и, ухватившись руками, стал с усилием упираться в его край.

Прикрытые обшивкой товарняка, все дружно уперлись – кто руками, кто спиной – и начали усиленно его толкать. Но напрасны все старания. Даже всему отделению это не удастся сделать. Перебросив автомат через плечо, Алексей уперся спиной, помогая уже отчаявшимся это сделать бойцам. Поднатужившись, он приложил всю свою недюжинную богатырскую силу. Загоревшее темное лицо стало пунцовым от натуги. Руки, обхватившие сцепку, напряглись так, что жилы вздулись, словно реки в половодье, и были готовы вот-вот полопаться от такой натуги. И вот чудо! Словно по воле небес и молитвам бойцов о своем спасе-

нии, вагон легонько скрипнул и медленно оторвался с места. Еще усилие, и он идет все быстрее и быстрее, с каждой секундой набирая скорость.

Ноги уже не успевали за несущимся вагоном, и бойцы, отцепившись от него, на бегу готовили гранаты и оружие. С разгону, эта огромная тяжеленная махина врезалась в расположение дзота, заставив немцев разбежаться, побросав свои пулеметы. Этого и нужно было нашим бойцам.

Не теряя ни секунды, пока гитлеровцы не успели прийти в себя от такого неожиданного для них шока, они воспользовались их замешательством. Немцы, ошарашенные неожиданной для них выходкой русских, оказали слабое сопротивление. У Алексея все под неустанным контролем, дело решают мгновения. Интуиция и опыт подсказывают ему, что здесь лучше всего воспользоваться «карманной артиллерией».

– Гранатами! – орет он во всю мощь своего голоса и первым швыряет РГ в самое скопище ошалевших врагов. Полетели и другие гранаты. Переждав свист осколков, сразу огонь в упор из всех стволов. В считанные секунды все было кончено. На бетоне осталось лежать с десятков скорченных в уродливых позах трупов, в которых каждого из них застала смерть. Осторожно подойдя к ним, бойцы с любопытством рассматривают их и доставшиеся им трофеи. Особенно их интересует ручной пулемет, незнакомый для некоторых механизм – МГ-34.

Алексею уже знакома эта удобная в бою машина смерти. Он даже мог прекрасно с ней управляться, приходилось в прошлых боях. Кардинальные различия между штатным советским ручным пулеметом системы «Дегтярева». Удлиненный ход затвора в немецкой системе позволял стрелять более редкими выстрелами, что приводило к экономии патронов и улучшению качества стрельбы.

Все это Алексей прекрасно знал и даже с уважением относился к оружию гитлеровцев. Что и говорить, умели немцы изготавливать серьезное оружие, не напрасно вся Европа пройдена их коваными сапогами.

Положение Алексея, в котором оказался он вместе со своим отделением, была сразу оценена командованием. Через несколько минут взвод Петрова в полном составе оказался там. Этот край вокзала находился уже в тылу у немцев.

– Нам необходимо ударить в тыл немцам. Это приказ комбата.

Лейтенант Петров командует взводом, приказав готовиться к атаке.

– Забрать немецкие пулеметы и гранаты, – распорядился он, и бойцы быстро исполнили его приказ, вооружившись еще и трофейным оружием.

– Пора, вперед! – негромко скомандовал Петров, и взвод кинулся в атаку.

Для гитлеровцев этот удар был неожиданным и дерзким. В своем тылу красноармейцев они никак не ожидали. Атака закрепила тактический успех. Выбивая фашистов, засевших в вагонах, из-под платформ и цистерн, взвод уничтожил немало гитлеровцев, которые не могли эффективно сопротивляться на два фронта. Алексей впереди, увлекая за собой бойцов и успевая умело вести огонь из автомата. Немцы, почуввав смертельную опасность, открыли по атакующим огонь из минометов, надеясь прижать их к земле и сорвать нежданную атаку. То с правой стороны, то с левой с воем и визгом рвутся мины, леденящими душу и парализующими волю к действиям. Алексею очень хорошо знакомы эти характерные свистящие звуки, но он не кланяется им, не падает на землю от страха, иначе выполнить приказ невозможно. Очередная крупнокалиберная мина взорвалась почти у самых ног Алексея, обдав его горячим воздухом ударной волны и жарким пламенем. Тысячи смертей просвистело над его головой и унеслось дальше, дробя обшивку вагонов и уносясь дальше в пространство. Он увидел яркое солнце, которое с каждым мгновением становилось все ярче, оно становилось все ближе и горячее.

«Почему мне стало так жарко?!»

Это была его последняя мысль, остальные исчезли в глубинах сознания. Холодный мрак, не имеющий отсчета времени, поглотил его в свой бездонный, бескрайний мир.

Бессмысленное время утеряло для Алексея все свои ниточки, связывавшие душу и тело. Как долго длилось забытие, он не осознавал, но, открыв глаза, неожиданно для себя заметил, что день уже клонится к закату. Глаза видят, а память ничего не подсказывает.

«Где я, что со мною?!» – появились первые мысли при виде такого прекрасного лазурного неба с редкими перистыми облаками на краю небосклона. Сознание мелкими шагами начало проявляться и проясняться, и вдруг неожиданно все встало на свои места. Он вспомнил все, что с ним случилось. Попытался пошевелить рукой – получилось. «Это уже хорошо, обнадеживает».

Появилась возможность критически оценивать и осмысливать. И тут его ухо уловило гортанную, лающую немецкую речь. Скосив глаза в сторону и стараясь не шевелиться, он увидел двух идущих немцев. В руках у них винтовки с примкнутыми к ним штыками. Они осматриваются кругом и, заметив лежащего, внимательно смотрят на него, оценивая состояние. Вот один из них, вскинув винтовку и приложив ее к плечу, выстрелил, по всей видимости, в раненого бойца. «Добивают раненых и контуженных», – мелькнула страшная догадка. Ему стало не по себе. Убийцы находились совсем близко от него. «Почему здесь немцы, мы же вокзал взяли!?» – мысленно он спрашивал самого себя. Ответа на вопрос нет, необходимо все решать самому (вокзал переходил из рук в руки 13 раз. – В.Л.).

Наряд добивальщиков остановился совсем рядом от него, рассматривая очередную жертву. Алексей видит чуть приоткрытым глазом, как один из них своим тяжелым кованым сапогом переворачивает лежащего красноармейца и что-то говорит своему напарнику. И тут Алексей решается на самое невероятное, прекрасно понимая, что следующим будет он и тяжелый носок сапога ударит его по ребрам, и все будет для них понятно.

Собрав все свои силы, на что только был способен, словно сжатая до упора пружина, он в один миг вскочил с земли и точным броском, словно тигр, достиг немцев, которые сразу ничего и не поняли. Они были так ошарашены неожиданной выходкой русского, что даже не успели прийти в себя и приготовить оружие. На их лицах смятение и ужас при виде здорового красноармейца, в глазах которого горел звериный огонь ненависти. Он схватил одного, а затем сразу же и другого за ворота гимнастерок. Фрицы молчат, скованные испугом. В тот же миг Алексей, собрав все имеющиеся в нем силы, резко ударил их лбами друг о друга.

Раздался глухой звон касок и тяжелые предсмертные стоны их хозяев. Откинув трупы в стороны, он огляделся по сторонам. Прежде всего подхватил свой автомат, валявшийся поблизости. Стало горько на душе: лежат убитые свои ребята вперемешку с немцами. Со стороны находящегося неподалеку здания раздались выстрелы, и он услышал знакомый посвист пуль.

«По мне стреляют! – догадался он и стремглав кинулся в боковое здание с намерением укрыться. Бежать недалеко, с десятка полтора метров. Под свист пуль он благополучно достиг оконного проема, без стекол в разбитой раме, и мгновенно исчез из поля зрения фашистов.

«Слава Богу, спасся!» – на секунду задержавшись в помещении, раздумывая, куда идти дальше, подумал он. Хотя и был он безбожник, здесь вспомнил о нем.

– Дяденька, дяденька, идите за мной, – услышал он негромкий детский голос. И этот голосок показался ему в это мгновение гимном спасения, произнесенным самим ангелом с небес. Но этим чудом был реальный мальчишка, невесть откуда оказавшийся поблизости. Алексей увидел худенького, оборванного и чумазого мальчика, которому было не более десяти годков. Он вопросительно и робко выглядывал из полуоткрытой двери и призывно махал детской рукой:

– Идите за мной, я выведу вас к нашим.

Алексей, не раздумывая, двинулся за ним. Они молча и осторожно ступая, чтобы что-то не загремело под ногами, направились вниз по лестнице, ведущей в подвальное помещение. Мягко ставя ноги на ступеньки, заваленные битым кирпичом и всевозможным бытовым хламом, они спустились в полутемное помещение без дверей. Мальчик уверенно, со знанием дела, вел его по пути, знакомому только ему одному. Пройдя еще немного, мальчик вдруг остановился, повернув к Алексею чумазое лицо, приложил палец к губам и прошептал:

– Тише. Кажется, фашисты.

Осторожно ступая, мальчик подкрался к небольшому проему в стенке, где проходили какие-то трубы: то ли водопровода, то ли отопления. Алексей за ним – тихо и осторожно.

– Смотрите, точно фрицы! – прошептал он тихо. Заглянув в эту щель, Алексей увидел, что в помещении находятся гитлеровцы, человек пять или шесть, не более. Пройти мимо них и остаться незамеченными не получалось.

Большой проем взамен двери выходил в сторону коридора. Решение пришло сразу, без раздумий. Сняв вещевой мешок, пошарил в его глубинах. Он знал, что на дне лежала одна граната, последняя. Выдернув чеку и выждав пару секунд он всовывает руку с гранатой в это отверстие и с большой силой швыряет ее в глубину помещения. Раздался громкий хлопок разрыва. Не теряя времени и не глядя на результат взрыва, подхватив мешок и мальчишку за его худенькую ручонку, они пулей пронеслись мимо страшного проема и вскоре были уже далеко от этого места. В незнакомых лабиринтах можно было запросто заблудиться, но мальчишка хорошо знал дорогу и довольно быстро вывел Алексея к своим. Увидев знакомые гимнастерки и каски, он очень обрадовался.

– Спасибо, большое тебе спасибо! – поблагодарил он своего спасителя и, достав из вещмешка полбуханки черного хлеба, все что у него было, отдал его мальчику.

– Спасибо, дяденька!

В глазах маленького проводника неопишуемая радость и даже счастье от такого подарка. Быстро повернувшись, мальчишка растворился во мраке наступающей ночи так же незаметно, как и появился.

Через полчаса поисков Алексей находился уже в своей родной части, которая, хотя и поредевшим составом, готовилась к новой атаке, чтобы выбить немцев из вокзала. Несмотря на сгущающиеся сумерки, бойцы вновь бросились в атаку, захватив его снова с большими для себя и фашистов потерями.

До 27 сентября шла отчаянная борьба противоборствующих сторон за господство над вокзалом. Но силы еще были неравными и наши войска были вынуждены его покинуть и отойти к площади Девятого января, где в дальнейшем разгорелись ожесточенные, основные бои в битве за Сталинград.

От взвода Петрова осталось в строю всего лишь шесть бойцов. Велики потери, но продолжать сражаться необходимо. Дрались в буквальном смысле слова за каждую улицу, дом, этаж, за каждую пядь земли, отдавая врагу их только тогда, когда не было реальной возможности устоять или подразделение погибало полностью. Партийные организации Сталинградского фронта в сентябре – ноябре 1942 года приняли в свои ряды почти пятнадцать тысяч бойцов. Порыв вступить в партию был массовым. Приняли в ряды КПСС и Алексея Никитовича.

Выпрашивать рекомендации для вступления у коммунистов-товарищей не было необходимости. О его ратных делах знала вся рота, и он был примером для подражания, за ним тянулись другие. Вернувшийся после лечения в госпитале парторг роты лейтенант Чепизубов на партийном собрании, когда Алексея принимали в ряды КПСС, сказал:

– Уватова Алексея Никитовича все мы давно знаем как смелого и отважного бойца. Немало за ним числится поступков, которые говорят сами за себя. Я полагаю, что он достойный кандидат и будет с гордостью носить звание

коммуниста, и никогда его не запятнает – ни словом, ни плохим делом.

Принят единогласно. С тех пор в кармане на груди у Алексея Никитовича всегда находился членский билет, которым он дорожил не менее чем боевыми наградами.

* * *

Восточный вал

Отличившегося в боях во время обороны Сталинграда Алексея Уватова заметило командование и, конечно же, парторг роты Чепизубов Петр Иванович. По его ходатайству Алексея направляют учиться в военно-политическое училище, находящееся в городе Красный Кут.

– Поезжай, Алексей. Поучишься, офицером станешь. Кандидатура ты достойная.

Уговаривал он его, было и такое. Алексею не очень-то хотелось покинуть своих товарищей, с которыми за это время успел подружиться.

– У тебя и боевые награды имеются. Да и разрядку никто не отменял.

На груди у Алексея орден Отечественной войны I степени и боевая медаль «За оборону Сталинграда».

– Мне бы хотелось со всеми вместе в наступление идти, – отговаривался Алексей, хорошо понимая, что после разгрома гитлеровцев под Сталинградом наши войска двинутся дальше на Запад.

Уговорил все же парторг упрямого бойца. Разрядка она и есть разрядка, посильнее будет, чем любой приказ. Уехал Алексей из части на долгих три месяца, попрощавшись со своими друзьями и товарищами. Недолгими были солдатские проводины. Втихушку приняли фронтовые сто грамм добавив к ним еще по сто, чтобы «высшие» командиры не догадались об этом.

– Попрошусь обратно к вам после окончания училища, – пообещал он своим друзьям, которые проводили его в дорогу и усадили на попутную полуторку, направлявшуюся в тыл. Шло время, Алексей учился командирскому мастерству и изучал основы марксизма-ленинизма. А в это время немцы, усиленными темпами, строили огромное по своим масштабам оборонительное сооружение, которое они называли «Восточный вал». Они очень надеялись, что здесь Красная Армия сломит себе хребет и остановится, а возможно, и запросит мира с Германией. Вал растянулся на 1400 км от Керченского пролива–река Молочная–река Днепр–река Сожу–г. Великие Луки и дальше на Север.

Отсекая Украину, немцы очень надеялись оставить за собой этот богатый край, изобилующий молоком, салом и хлебом.

Три месяца напряженной учебы пролетели для Алексея не так скоро, как бы ему хотелось. Красная Армия, набравшись опыта в ожесточенных боях и сражениях, постепенно начинала переходить в наступление, имея иногда тактический успех. По этой причине все курсанты, в том числе и Алексей, слыша оптимистические сводки Совинформбюро с фронтов, горели желанием оказаться в это время на переднем крае, в рядах наступающих. Курсантам казалось, что время идет очень медленно, не так как хотелось. Но всегда что-нибудь и кончается. Завершилось время учебы, и настало время выпуска. Алексей произведен в офицеры, и на его плечи легли погоны младшего лейтенанта, с одной звездочкой на продольной полосе погона. Получив предписание и продпак, он возвращается в свою часть, как и обещал. Едва отыскал ее, она успела продвинуться в западном направлении и находилась уже в трехстах километрах от Сталинграда. Он снова оказался в своем родном 202-м полку, командовал которым недавно назначенный на эту должность молодой офицер, майор Рудаков Василий, со дня на день ждавший повышения в звании. Это был боевой и волевой человек, потому и командовал гвардейским подразделением.

В результате стремительного наступления Красной Армии на Запад, ее передовые части вышли к «неприступному Восточному валу», проходящему по реке Днепру. Это был семьсот пятидесятый километровый рубеж от Белоруссии до Запорожья. И здесь развернулось самое грандиозное сражение. С обеих сторон участвовало до 4 миллионов солдат и офицеров, 63 тысячи орудий и минометов, 4,5 тысяч танков, до 5 тысяч самолетов. Крутые берега Днепра были укреплены колючкой, минными полями, траншеи и окопы, капониры и блиндажи, множество танков вкопано в землю. Все опасные места были пристреляны немцами. Днепр порой достигал 3,5 километра в ширину и 12 метров – в глубину при скорости течения воды 2 метра в секунду. К тому же немцы постарались уничтожить плавсредства по обеим сторонам реки.

Но порыв наших воинов вырос до безграничности, остановить их было невозможно. Шла вторая половина сентября 1943 года. Гвардейский 202-й полк, в котором служил Алексей, был в авангарде наступающих частей, уничтожая спешно оставляемые фашистами заслоны и прикрития.

24 сентября передовые подразделения полка вышли к берегу Днепра и доложили «вверх» об этом. Необнаруженными остаться они не сумели. Заметив движение на противоположном берегу, немцы обстреляли прибрежный участок из артиллерии. Но стрельба, практически «вслепую», дала им слабый результат, но подстегнула наше командование принять необходимое решение по форсированию реки. И оно было правильным. Обнаружив наши войска, они могли подтянуть дополнительное подкрепление, и тогда форсирование произошло бы с крупнейшими потерями. На берег первым вышел взвод Алексея, в составе которого оставалось 16 человек, проверенных, надежных бойцов, закаленных в схватках с фашистами.

– Да, тяжело придется нашим! – подумалось Алексею, пытавшемуся в бинокль разглядеть противоположный берег, который был крутым и высоким. Засвистели снаряды и стали рваться неподалеку.

– Заметили гады!

Понял он, что фашистские наблюдатели засекли перемещение бойцов или блики оптики биноклей. Алексей уводит взвод в глубину леса и докладывает об этом своему начальству, добавив, что они были обстреляны противником.

– Не разводите костров, не высовывайтесь на берег, поступил приказ ротного командира, который прекрасно понимал, чем все это может закончиться. Этой ротой командовал теперь уже старший лейтенант Петров, бывший взводный у Алексея, когда они сражались в Сталинграде.

Время было обеденное, и бойцы, отправив очередных дежурных на полевую кухню, дожидались их прихода. Настроение боевое, даже сыпятся шутки. Алексей видит, как к ним подъезжает штабной «Виллис» и из него выходят командир роты и командир полка майор Рудаков.

– Здравия желаю, товарищ майор. Взвод находится на отдыхе! – по уставному доложил Алексей прибывшим командирам.

– Вольно, Уватов. Рассказывай, что случилось?

Алексей рассказал о том, как они появились на берегу, как были обстреляны, повторив то, о чем уже докладывал раньше. Командиры слушали молча, не перебивая рассказа Алексея. На высоком, загоревшем лбу майора собрались морщинки, брови сдвинулись к переносице. Устремленный на Алексея пронзительный, цепкий взгляд темных глаз постепенно рассеивался, лицо застыло, мозг работал с величайшим напряжением. Но через минуту его лицо стало приобретать осмысленное выражение, глаза вновь сфокусировались на самом Алексее, словно оценивая его самого и его возможности. Перед собой он видел высокого рослого парня, почти мужчину, с боевыми наградами на груди. Алексею чуть за тридцать, это он видит.

– Уватов, вы родом из Сибири?

– Да.

– Плавать умеете?

– Конечно. В моем взводе все умеют, не однажды приходилось.

– Это очень хорошо. Принимается решение сходу форсировать реку. Готовьте свой взвод, пойдете первыми. Необходимо закрепиться на том берегу.

– Так точно, товарищ майор, подготовлю.

– Приступайте. Перед отправкой лично проконтролирую.

«Виллис» с командирами укатил, оставив Алексея наедине со своими мыслями и раздумьями.

– Обедать, каша поспела!

Это объявил один из посыльных на полевую кухню, приглашая всех к принятию пищи, самому любимому занятию солдата на войне.

– Подкрепляйтесь, ребятки. Ночью предстоит дело.

Алексей приступил к серьезному разговору на правах парторга роты, единогласно избранного командирами.

– Всем взять как можно больше патронов, дело предстоит нешуточное. И побольше гранат Ф-1. Придется выкуривать фрицев.

– А как с питанием? – спрашивает его боец – толстяк Петр, который любил поесть и часто бывал тем объектом, над кем подшучивали бойцы.

– На первое время я возьму, а там добудем у немцев.

Достав из планшета недавно выданную, пахнущую свежей краской карту, Алексей изучает место будущей переправы и прилегающего к реке района.

– Так, мы находимся в Киевской области, район Кагарликский.

Он ведет палец дальше, минуя Днепр, его рука останавливается.

– Село Балыково–Щученки.

Прочитал он надпись мелким шрифтом.

– Вот там-то нам и придется действовать, в Щученках.

Пообедав и немного расслабившись, бойцы отдохали. Но необходимо идти к батальонным складам за патронами и гранатами.

– Становись! – скомандовал он своим бойцам и как только те построились, направились за боепитанием.

Подготовка к форсированию шла быстрым ходом. Главной проблемой, конечно, было то, что отсутствовали плавсредства. Но начальство торопит, ждать, когда подойдут понтоны и построят переправу, значит, потерять драгоценное время, а в будущем – людей и технику. Самое лучшее, – это форсировать Днепр сходу, пока гитлеровцы не ожидают их в этом месте.

Сгустились сумерки, и самолеты с черными крестами прекратили свои хищнические и разведывательные полеты, бойцы вышли на заготовку деревьев, хотя до них был неблизкий путь. Было принято решение переправляться на плотках, собранных своими руками. Вся рота помогала, кто пилил, кто таскал ближе к берегу бревна, затаиваясь, когда в небо взвивались немецкие ракеты и заливали окрестности бледным светом. Ближе к полуночи прибыл командир полка Рудаков, как и обещал ранее.

– Ну как, Уватов, плоты для переправы готовы?

– Так точно, товарищ майор. Взвод поместится в полном составе.

– Больше людей посылать нет надобности. Немцы могут подумать, что идет массовое форсирование руки.

– У меня шестнадцать человек, больше нет.

– Достаточно для начала. Вам необходимо как можно быстрее форсировать реку. Скорость на первом этапе – главное.

– Понял товарищ, майор. Все ребята у меня на подбор, плавать все умеют.

– Твоя главная вторая задача – во что бы то ни стало, любой ценой, зацепиться за тот берег. Затем постараться всеми силами уничтожить огневые точки противника, чтобы не смогли обстреливать наши основные силы при переправе.

Командир полка замолчал, пытаясь разглядеть в темноте лицо Алексея. Мутный свет от луны, которой было чуть больше половины, высветил серьезное лицо командира взвода.

– Когда захватите плацдарм, дадите сигнал тремя зелеными ракетами.

– Понял, товарищ майор!

– Ну, с Богом, сынки. Удачи вам. Да, чуть не забыл. Ты же парторг роты?

– Так точно, парторг.

– Во взводе есть партийные?

– Да, половина состава.

– Очень хорошо. Значит, взвод боеспособен.

– Да, многие со мной еще от Сталинграда.

– Удачи тебе, взводный!

Проводить Алексея пришел и командир роты Чепизубов, его старый товарищ и командир.

– Все прошло успешно. Немцы, по всей видимости, не заметили нашего приготовления.

– Пожалуй, так.

– Вот, возьми ракетницу с запасом.

Петр Иванович передал Алексею ракетницу.

– Ну что, пора?

Командир роты смотрит на часы, подставив руку почти к самым глазам.

– Пора!

Напутственной речи перед бойцами Алексей не произносил, давно все обговорено. Только скомандовал:

– Начинаем!

Соблюдая тишину и осторожность, бойцы выносили из леса заранее приготовленные бревна и несли их к берегу. Другие вязали их веревками в плоты. Забивать гвозди, стучать молотками нельзя, немцы могут догадаться о намерениях переправляться в этом месте. Принятие мер по скрытности подготовки дало свои результаты, немцы ничего не заметили. При вспышках ракет, работы мгновенно прекращались, и берег замирал, словно там никого нет. Осторожность не помешает, так как немцы прекрасно знали, что русские вот-вот подойдут к реке и не будут отсиживаться на берегу.

Общими усилиями соорудили семь небольших плотов, связав их проволокой и веревками. Получились весьма надежные плавсредства, которые снарядили всем необходимым. Самое главное – это, конечно, боезапас с гранатами. Не забыли взять и немного продовольствия: кто знает, сколько придется пробыть в тылу. Приняли решение взять с собой и мощную огневую поддержку. Станковый пулемет «Максим» и два ручных системы Дегтярева, РПД. Для этого тяжеловатого груза добыли две пустые металлические бочки, и они прекрасно держали это вооружение, хотя и хлопотно это, но имея такое оружие, будет много легче отражать контратаки немцев. Алексей вырос в деревне, расположенной на сибирской реке Ангаре (село в настоящее время затоплено. – *В.Л.*), и для него относительно холодные воды Днепра были почти как бальзам. Да и ширина реки, где им выпало форсирование, не такая уж великая, переплыть можно и не отдыхая. Не однажды переплывали, на спор с мальчишками, Ангари – туда и обратно.

– Крепче держитесь за плоты! Старайтесь не шуметь, не разговаривать, – проинструктировал Алексей своих бойцов перед отправкой, переходя от одного к другому.

Взвод, в полной ночной тиши, отплыл от берега, медленно относимый течением реки. У Алексея снаряжен свой плот, который помогает ему толкать толстяк Петр и который был позади других. Это позволяло Алексею наблюдать за происходящим. Ему, как командиру, нужно все видеть и знать, что происходит. Все шло тихо, без всяких происшествий.

Переправа передового десанта прошла практически благоприятно. Но фашистский наблюдатель заметил посторонний предмет, плывущий по реке. Это был последний плот, который двигали Алексей и Петр, гребя изо всех сил руками. В небо взметнулась ракета, и в ее свете плот был обнаружен. Сразу же взлетело несколько других, осветивших окрестности. С крутого берега, очень далеко от них, застрекотал немецкий пулемет, и Алексей услышал жужжание пуль и их шлепанье о воду. Но этот рассеянный не-

прицельный огонь пулеметчика не имел успеха, и вскоре плот уткнулся в берег.

Алексей прислушался к ночной тишине. Ничто не выдавало их прибытия. Огонь пулемета прекратился, лишь изредка, со стороны немцев, взлетали ракеты. Потихоньку к месту причаливания плота Алексея начали подходить бойцы, тяжело груженные оружием и боеприпасами.

– Всем отдыхать! – приказал Алексей своим бойцам. Двоих направил в разведку: – Будьте осторожны. Себя ни в коем случае не обнаруживайте. Доберетесь до села Щученки и сразу обратно.

Бойцы растворились в ночи, выполняя приказ командира. Отдых длился недолго. Через час вернулись разведчики и доложили, что все осмотрели.

– Немцы расположились в селе. Мы слышали их разговоры.

– Не спят, что ли?

– Да нет, спят, это часовые.

До села недалеко, не больше сотни метров, если судить по карте. Алексей принимает решение ударить по ним утром, когда наступит рассвет.

– Выдвигаемся ближе к селу. Разведка, давай вперед, показывай дорогу.

Шестнадцать бойцов, сгибаясь под тяжестью патронов и гранат, пробираются по крутой расщелине вверх по обрыву и вскоре выбирают на равнину, где их поглощают кустарники, скрывая от глаза противника.

– Все пришли. До села метров пятьдесят, – доложил старший разведчик сержант Ковалев.

– Молодцы! Утром необходимо все уточнить.

Взвод, в полной тишине, сделал остановку. Алексей посмотрел на часы, было два часа ночи. «Через пару часов рассветает, тогда и займемся фашистами», – решил он и приказал:

– Всем отдыхать. Со стороны противника выставить секрет.

Долго уговаривать бойцов не нужно: такой приказ выполняется незамедлительно и безо всяких претензий. Вместе со всеми задремал и Алексей, мгновенно окунувшись в бездонный омут сна, а точнее забытья. Что и говорить, нервы напряжены перед боем.

Ровно через два часа Алексей очнулся от сна, без всякой побудки, ответственность давала о себе знать. Восточная сторона небосклона была алой в предутреннем рассвете. Алексей впервые видел эту знаменитую реку воочию и не мог оторвать взгляд от такой красоты. Она ему чем-то непонятым напомнила о родной Ангаре, доме... Но нужно думать о деле, которое поручили. Алексей быстро приходит в себя и начинает действовать, день предстоит напряженный.

– Подъем! – раздается тихая команда, и он тормозит за плечо лежащего рядом с ним Петра. Тот быстро соскакивает и, сидя, долго смотрит по сторонам, стараясь понять, где он. Но вот и он приходит в себя от сна и на его крупном, курносом лице появляется озабоченность.

– Давай буди остальных, только тихо, не кричи.

Петр все понял и принялся усиленно тормозить безмятежно спящих бойцов.

– Всем вести себя тихо, немцы совсем рядом с нами. Пока мы ходим в разведку, можно поесть и приготовить оружие, – приказал Алексей своей команде, а сам с разведчиками двинулся осмотреть село. Медленно, пригибаясь и тщательно осматриваясь по сторонам, они двинулись вперед.

– Тише. Стойте на месте. Часовой, – тихо проговорил Ковалев, заметив опасность.

– Пока не трогайте, иначе немцы всполошатся.

– Понял.

Они осторожно отошли в сторону, очутившись на опушке поляны, откуда село было видно как на ладони. Большой частью беленые украинские мазанки с садами и огородами, ничего необычного. Но Алексей прекрасно знал, что жите-

ли близлежащих сёл и деревень были согнаны немцами, а их дома использовались ими для жилья и укреплений.

– Будем атаковать со стороны реки, чтобы не подпустить фрицев к берегу. Выбора для нас нет. Огневые точки будем уничтожать по ходу дела.

Принял он решение, которое было самым оптимальным в данной ситуации. Быстро вернулись к своим, времени в обрез. Взводу здорово повезло, они не наткнулись ни на немецкий ДОТ или ДЗОТ, которых по берегу настроено огромное количество. Эта мысль не давала покоя Алексею.

– Вот что, Петр. Мы сейчас ударим по селу, а ты возьми одного бойца да побольше гранат. Осторожно прочешите прибрежный район, если обнаружите немецкие пулеметы, то уничтожайте их. Нас отыщите в селе после выполнения задания, – приказал он своему самому надежному бойцу, решив на всякий случай подстраховаться и выполнить приказ своих командиров. Нельзя оставлять также и у себя в тылу фашистов, в любой момент могут ударить в спину: – Не дай Бог, если откроют огонь по тем, кто будет переправляться после нас, когда подадим сигнал.

– Слушаюсь, товарищ командир! – откозырял Петр и с тяжело нагруженными вещевыми мешками вместе с напарником отправился выполнять задание. Оставшихся четырнадцать бойцов Алексей в полнейшей тишине выводит на исходный рубеж, откуда он решил начать наступление. Станковый пулемет располагают в центре атакующих, ручные – с флангов. Вот все готово для атаки, люди расставлены, можно наступать на опорный пункт немцев.

Алексей подходит к пулеметчикам. В руках коробки с лентами, солидный боезапас:

– Ваша задача – оседлать главную улицу и не давать немцам перемещаться или группироваться для контратаки. Если будет прибывать подкрепление – отсекайте огнем, патронов не жалейте.

– Все понятно, товарищ командир.

– И еще, товарищи, – обратился он к своим бойцам, – обратной дороги для нас нет.

– Не беспокойтесь, товарищ младший лейтенант. Били и будем бить эту фашистскую нечисть.

– Пошли! – коротко скомандовал Алексей, и взвод, рассыпавшись цепью, двинулся на село. Для создания эффекта неожиданности шли максимально скрытно, прячась за наибольшими деревьями и кустарником.

Село совсем рядом, уже хорошо видны хаты. Пулеметчики устанавливают пулемет и спешно заряжают ленту. Раздался винтовочный выстрел. Это часовой заметил приближающихся красноармейцев и дал знать об этом своим. Снять без шума его не удалось. Но это уже не решало проблемы, бойцы были уже у крайних домов. Молча, без криков «ура», они приступили к солдатской работе. В окна ближайших домов полетели гранаты, рвущиеся с оглушительными хлопками, с последующим звоном разлетевшихся стекол. Не успели немцы сразу встретить или организовать оборону. Оставшиеся в живых выбегали на улицу, попадая под пули наших автоматов, не успев сделать и выстрела. Но это продолжалось недолго, лишь в крайних домах. Приходящие в себя фашисты начали сопротивляться. Из ближайших домов, оборудованных под огневые точки, потянулись строчки пуль немецких пулеметов и автоматов.

Алексей, как и все остальные, приготовив и растолкав в карманы, за пояс гранаты, шел с правого фланга атакующих, не забывая посматривать и за левым. Бой скоротечен, порой все решают секунды. Но и лезть на рожон нет смысла, дорог каждый боец. Часть немцев, выскочив на улицу из домов, бросилась наутек в глубь села. Но Алексей предвидел такую ситуацию.

«Максим» застучал почти сразу и длинными очередями, срезая убегающих немцев. Сопротивление нарастает: немцы постепенно приходят в себя и налаживают оборону. Перед Алексеем большая беленая хата, с крыши которой почти в упор ударил пулемет. Пули, словно стая шмелей, засвистели вокруг. Боец, шедший рядом с ним, упал, вырвав из рук автомат. Алексей метнулся в сторону дома, оказавшись в мертвой зоне, пули со свистом пронеслись над

головой. Но этот маневр заметили и немцы. С чердачного окна вылетела граната и упала у ног Алексея. Мгновенно сориентировавшись, он метнулся за угол дома. И это спасло его. Осколки разорвавшейся гранаты пронесли мимо, срывая с дома пыль и известь штукатурки.

Ориентироваться в такой обстановке приходится быстро, все решают мгновения. На секунду выглянув из-за угла, он швыряет лимонку в злополучное окно на крыше дома, к которому приставлена деревянная лестница. Уцелеть от тысяч осколков такой гранаты невозможно, и пулемет смолк. Швырнув вторую гранату, уже в окно дома, Алексей осмотрелся. В горячке боя он даже не заметил, как миновали почти половину села.

Вокруг стрельба, разрывы гранат, крики на немецком языке и хорошо знакомая, сдобренная красным словцом, русская речь. Очереди станкового пулемета не прекращались, характерные звуки которых Алексей мог определить безошибочно, они всегда на слуху, как хорошая песня. Метнувшись к сраженному бойцу, лежавшему лицом вниз, он перевернул его на спину, увидел, что тот не подает признаков жизни, и понял, что он мертв. Его голубые, широко открытые глаза смотрели в одну точку бездонного неба, туда, куда, наверное, уносилась его бедная душа. Алексей прикрыл ему глаза, тяжело вздохнул. Ему больно было видеть, как безвозвратно уходят молодые парни, которым еще жить да жить. Три смертельные пули прошли по его груди неровной строчкой, оставив свои отметины, и гимнастерка уже успела пропитаться кровью.

– И у нас один убит и двое раненых, – доложили подошедшие к Алексею бойцы.

– Итого, двое убитых и трое раненых, – подвел он печальный итог начала сражения.

– Командир, все село нам не захватить, мало кто останется в живых.

Алексей задумался: было над чем. Пятерых выбило из строя. Если раненые еще чем-то помогут, то убитые – уже ничем и никогда.

– Будем занимать оборону, – решил он, зная что в этом случае они смогут продержаться намного дольше.

Чтобы фашисты не смогли обойти с флангов, Алексей установил по пулеметному расчету по краям села, приказав по-быстрому углубиться в землю, оборудовав таким образом новые огневые точки.

Вскороности вернулся Петр с бойцами, которых Алексей отправлял для проверки нахождения немецких огневых точек.

– Прочесали весь берег. Два пулеметных гнезда уничтожили. Теперь там чисто.

– Молодец, Петр. Становитесь рядом со мной. Мы возьмем на себя центр села.

В скором времени жиденькая цепочка бойцов, чуть больше десятка, заняла жесткую оборону, перерезав село на две половины. Пока противники сражались почти в соприкосновении, минометы гитлеровцев молчали. Сей же час то тут, то там, пока без пристрелки, стали рваться мины немецких минометов. Алексей подозвал к себе главного «диверсанта» Петра:

– Нужно уничтожить батарею. Пристреляются скоро и накроют всех нас. Зайдите с тыла потихоньку и – гранатами их. Минометы тоже уничтожьте, если будет возможно.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант!

– Младший лейтенант, – поправил его Алексей. – И сразу сюда, людей мало.

– Хорошо!

Петр с товарищем, вооружившись гранатами и трофейным немецким пулеметом, направились выполнять задание, рискуя каждую минуту нарваться на часовых.

– Пора дать знак своим, – понял Алексей, что наступил тот самый ответственный момент: – Фашистов мы не подпустим к берегу в любом случае.

Достал ракетницу и раз за разом выпустил в небо три зеленые ракеты, как и было условлено с командованием полка.

«Ну, теперь начнется. Немцы наверняка догадались, что готовится форсирование и попытаются нас уничтожить».

Бойцы занимали оборону, кто в домах, кто окапываясь снаружи. Как смогли, по-быстрому собрали трофейное оружие и боеприпасы. Воспользовавшись наступившим относительным затишьем, Алексей раздал ребятам продукты, остатки боеприпасов. С каждым находил общий язык, давал советы по выбору секторов обстрела.

В качестве трофейного оружия Алексей прихватил немецкую винтовку с патронами и несколько гранат. Место для себя выбрал в самом центре обороны, вырыл небольшой окоп неподалеку от пулеметного расчета.

Прекратились разрывы тяжелых мин немецких минометов. В тылу немцев послышалась стрельба и далекие разрывы гранат.

– Молодец Петр, нам будет легче воевать, – похвалил он своего главного помощника. Едва бойцы успели немного укрепиться и наскоро перекусить, как немцы, перегруппировавшись и придя в себя, перешли в контратаку. Алексей еще дожевывал свой обед, как появились первые цепи немцев. «Ну, вот и началось, пообедать не дали».

Громко скомандовал бойцам:

– Не подпускать близко!

Сам же взял трофейную винтовку, знакомое оружие. Застучал «Максим», находящийся неподалеку от него. Его стук успокаивал Алексея, знал он его хлесткую силу. Он начинает вести огонь из винтовки, тщательно целясь в выбранные цели. Неплохие у немцев винтовки, легче наших, стреляют неплохо. Плотный огонь нервирует первые цепи, заставляя некоторых то падать на землю, то прятаться за угол дома, строча оттуда из автоматов. Но вот их напор ослаб, и они словно растворились в домах той части села, которую удерживали в своих руках.

«Будут приближаться, укрываясь домами, – догадался Алексей. С близкого расстояния решили атаковать» – и скомандовал своим бойцам:

– Приготовить гранаты!

И снова, в подтверждение его мыслям, немцы валом повалили из-за домов, в которых были их огневые точки. В них полетели гранаты наших бойцов, одна за другой, разрываясь в самой гуще атакующих.

Не выдержали немцы такой стены огня и осколков, откатились снова назад, оставив на поле боя несколько убитых.

Вернулся Петр с товарищем и доложил о выполнении задания.

– Отлично. Давай на правый фланг за село. Немцы могут нас обойти.

– Понял. Разрешите идти?

– Давай, Петр, побыстрей.

Но день клонился к вечеру, и немцы уже не предпринимали атак, отложив это на следующий день. Ночь прошла относительно спокойно. Наступало утро 27 сентября, которое с нетерпением ожидали обе стороны.

Сержант Николай Ковалев и с ним еще один боец произвели разведку немецкой стороны, воспользовавшись ночью. Вернулись к рассвету совершенно уставшие и доложили обстановку в тылу немцев.

– Прибыло три грузовика с пехотой и несколько мотоциклов. Не менее роты наберется. В общей сложности батальон наберется, не менее.

Алексей внимательно слушал доклад, понимая, что наступающий день будет очень жарким.

– Будем встречать фрицев, что нам еще остается?! Доложите это командиру роты, решения здесь принимает он.

– Так точно, доложим.

И бойцы направились разыскивать Шишкина. Алексей очень беспокоился о том, что немецкая авиация может ударить по ним. Это была бы уже катастрофа. Им здорово пока везло, на данном участке они ее не применяли, хватало дел на других крупных и уже действующих переправах.

«Кто знает, могут заметить с воздуха и переправу нашего полка!»

Закрадывалась нехорошая мысль, и он с тревогой иногда поглядывал в небо, улавливая звуки пролетающих мимо са-

молетов, которых было немало (в битве принимало участие до 5 тысяч самолетов. – В.Л.).

Не напрасно немцы подтянули резервы. Они решили любой ценой сбить оборону и сбросить бойцов в воды Днепра. Но все это сделать было невозможно.

Подошедшее к нашим бойцам подкрепление не только подняло дух и боеспособность, но и вселило уверенность, что враг не пройдет.

Получив подкрепление, приободрились и немцы. Они еще не знали о том, что и к русским подоспела рота пехотинцев. Полагая, что оборону держит реденькая цепочка красноармейцев, они смело двинулись на их позиции. Было их много, очень много, более чем две роты. Но их уже ожидали, подготовившись достойно встретить. Дружный огонь сотен стволов подоспевшей роты и бойцов Уватова сделали свое дело. Не ожидая такого отпора, немцы буквально отпрянули, иначе эта атака имела бы для них плохие последствия. Поняв, что перед ними серьезный враг и что просто «в лоб» их не взять, они пошли по уже ранее отработанной тактике ведения боев. Алексею был очень хорошо знаком такой сценарий. Со стороны фашистов взлетели ракеты, по всей видимости условно сигнализирующие о расположении русских позиций. Сразу же раздался вой пикирующих бомбардировщиков, спутать который невозможно ни с чем. Шли два «лапотника», как называли бойцы немецкий самолет системы «Ю-88». От них отрывались черные точки, а сами они взмывали вверх, выходя из пикирования.

Оглушительный рев самолетных моторов, пронзительный свист падающих бомб заставил хотя и закаленных, и много повидавших бойцов упасть на землю или на дно окопа.

«Дай Бог, чтобы пронесло, – лежа в окопе около домика думал Алексей, перебирая в уме малознакомых святых. – Партийный, а Бога вспомнил!» – подкралась из подсознания странная мысль, но которую он явно услышал.

Загрохотали ужасные разрывы и он, забывший и о Сталине, и о родной партии, вспоминал и молился единствен-

ному спасителю, который в отличие от других был всегда рядом.

Самолеты фашистов, волна за волной, обработали оборону наших бойцов, оставив рваную линию огромных дымящихся воронок. Часть домов-мазанок разнесло подчистую, только белая пыль кружила на месте их пребывания, оседая на спины лежащих бойцов. Но вот бомбежка закончилась, и в наступившей тишине послышался громкий голос командира роты:

– Подъем! Поднимаемся!

Поднявшись со дна окопа, Алексей увидел печальную для глаза картину. Конечно, ему и раньше приходилось видеть такое, но все одно – всегда было печально и тяжело. Такие бомбежки не проходят бесследно, не отделяются бойцы одним страхом.

– Необходимо все осмотреть!

И он идет по линии обороны, обходя воронки и глядя на то, что когда-то было бойцом или винтовкой.

К нему подошел Шишкин, молчит и нервно курит. Лицо бледное и напряженное, в глазах жалость и злость одновременно.

– Моих погибло двенадцать.

– У меня осталось шестеро.

– Будем готовиться встречать, скоро напрут, не задержатся.

– Это точно, тактика у них известная. Немец аккуратен в этом плане.

Разговор закончился, и командиры разошлись подготавливать бойцов к обороне. Оглушенные, вымазанные в пыли, бойцы поднимались с земли и отряхивались.

– Всем окопаться!

Приказ Шишкина заставил всех взяться за саперные лопаты и быстро врезаться в землю – где, засыпая воронки, а где, делая между ними проходы.

Успели что-то приготовить до наступления атаки немцев, которая началась через полчаса после окончания бомбардировки позиций. Похоронить своих товарищей, собрав их

останки в одну воронку, едва успели. 202-му полку отчасти повезло, он очень редко подвергался ударам немецкой авиации по той причине, что еще 21 сентября передовые части 13-й армии Центрального фронта под командой генерала Н. Пухова уже форсировали Днепр севернее Киева и за день продвинулись на 35 км, с каждым днем рассыпая плацдарм. Немцы вынуждены были бросить туда четыре танковые дивизии и крупные силы авиации. Проблемы у немцев были и на других участках обороны Восточного вала. В районе Великого Букрина, к югу от Киева, действовала третья танковая армия и другие подразделения. Используя рыбацьи лодки, бревна, бочки и даже плащ-палатки, набитые соломой, они успешно форсировали водную преграду, подавив сопротивление на берегу и успешно продвигаясь дальше.

Но все же, несмотря на это, взвод Алексея и рота старшего лейтенанта Шишкина изрядно пострадали от авиации, достали они и немецкое командование.

– Рота, на позиции. Без команды не стрелять, – раздалась громкая команда Шишкина. Старый солдат, закаленный в боях, знал толк в ведении боя.

Бойцы спешно пригатавливают оружие, очищая его от набившейся пыли и грязи. Алексей четко видит приближающихся немцев, решивших разделаться с упорными русскими. Они бегут и очень быстро стреляют на ходу в сторону окопов, не жалея патронов. Засвистели пули, но прятаться от них никто не стал. С дистанции двести метров Шишкин, отлично знавший расстояние по виднеющимся впереди ориентирам, дал команду:

– Приготовиться! Огонь!

Дружный залп винтовок и автоматов. Не считаясь с потерями, немцы огалтело несутся на окопы. Но огонь русских не проходит бесследно. То тут, то там падают убитые. Не выдержав прицельного, плотного огня, фашисты вновь откатываются на свои исходные позиции.

В этот день немцы больше уже не предпринимали атак, да и время было позднее. Это позволило нашим бойцам

поужинать чем Бог послал, углубить окопы и траншеи, понимая, что в этом их спасение.

Ночь прошла относительно спокойно. Лишь изредка взлетали ракеты с немецкой стороны да слышалась далекая канонада – где-то шли жестокие бои даже ночью. При бледном свете ракет видны редкие, оставшиеся целыми после бомбежки, белые домики прибрежного села, больше похожего на хутор, чем на село.

– Тяжелый будет завтра день, – думал Алексей, находясь вместе с командиром роты на временно оборудованном «командном пункте».

Пункт – это окоп от бомбовой воронки в центре села, приспособленный под КП. Отсюда хорошо просматривается как своя оборона, так и другая часть села, занятая немцами.

– Может поискать партизан? Помогут нам завтра, – произнес Шишкин, которого также мучила будущая неопределенность.

Алексей вспомнил, что кое-что он уже слышал об отряде имени В.И. Чапаева, действовавшего в этих местах.

– Можно попробовать. Что, вызываем разведчиков?

– Давай, будем разговаривать, – предложил Шишкин Алексею. Командиры задремали, прислонившись спинами к нагретой осенним, еще теплым солнцем, земле.

Пошел третий день ожесточенной схватки с фашистами, 28 сентября. Наверное, один из самых трудных и тяжелых дней для Алексея и его бойцов. Поднялись спозаранку: кто знает, что у фашистов на уме. О приготовлении пищи не было и речи, питались всухомятку сухим пайком, запивая водой, принесенной с Днепра. Немцы, почувствовав нависшую над ними угрозу, решили принять все меры, чтобы плацдарм, захваченный русскими, не только не расширился, а вообще был закрыт.

Ночью были слышны заведенные моторы то ли грузовиков, то ли танков. Одно было ясно, что гитлеровцы подтягивают основательные силы. Все это понимал Алексей, то и дело просыпаясь во время своего полусна-полузабытья,

когда нервы напряжены до предела и все инстинкты становятся не хуже звериных.

Время приближалось к девяти часам.

– Сейчас начнется!

Алексей знал педантичность немцев, даже на войне. Позавтракав, те приступили к работе. Свист снарядов, вой мин слились воедино. Ударили фашисты из всех имеющихся у них стволов, которые они смогли подтянуть за ночь. Не напрасно слышался гул моторов. Бойцы, укрывшись, переживают этот огневой налет. Оставшиеся еще целыми три хаты взлетели на воздух, похоронив за собой и несколько укрывшихся бойцов. Алексей находился рядом с командиром роты в одном окопе. Мощные разрывы вздергивали землю, обрушивая окопы и траншеи, засыпая землей укрывшихся бойцов. Обработка передовой линии обороны продолжалась минут двадцать и внезапно прекратилась. Считать потери было некогда, гитлеровцы появились сразу же после обстрела, успев приблизиться под прикрытием огня своих пушек. Но наши бойцы уже давно научены и быстро приводят себя и оружие в порядок.

– Пойду к минометам, – проговорил Шишкин и, забросив автомат через плечо, пригибаясь, двинулся к минометчикам. Заработал станковый пулемет.

– Слава богу, цел! – подумалось Алексею при звуках знакомого стука.

В рядах немцев стали появляться небольшие разрывы, это заработали ротные минометы. Хотя они и малого калибра, но свое дело делали, нанося ощутимый урон и внося неразбериху в ряды атакующих. Первая атака отбита, немцы откатились назад. Алексей расстрелял почти два диска своего ППШ, и у него заканчивались боеприпасы к нему. В перерыве он, быстрыми движениями разобрав магазины, спешно вставляет патроны. Вспомнил, что во время первого штурма от гранаты погиб немецкий пулеметчик. Он быстро направился к месту бывшего дома, где он его видел. Подойдя, обнаружил разбросанные взрывом доски и бревна.

Вот и немец с зажатым в руках пулеметом. Его тело уже раздулось и стало безобразным. С силой разжав руки, он высвободил пулемет и поискал глазами запасные ленты. Прихватив одной рукой трофей с двумя коробками, он вернулся в свой КП.

Только успел спрыгнуть в окоп, как вновь последовал артналет, отработавший минут десять уже изрядно перепаханый передний край. Вторая атака была жестче, немцы были наглее и увереннее в себе. Они атаковали быстрыми темпами, надеясь моментально достичь успеха. Огонь открыли, когда до них была какая-то сотня метров. Ближайший огонь они не выдержали и снова бросились наутек, оставив с десяток убитыми и ранеными.

– Командир ранен! – послышался громкий крик.

– Неужели Шишкин?! – мелькнуло в голове у Алексея.

Он бросается в ту сторону, где была минометная батарея из двух минометов и где должен был находиться командир роты. Вот и позиции батареи. Минометы установлены на дне большого окопа, рядом находятся пустые, разбитые ящики из-под мин. Шишкин лежит на дне окопа без признаков жизни. Лицо бледное, вытянувшееся, с закрытыми глазами. Голова перебинтована, из-под бинта сочится кровь.

– Ранен в голову. Корректировал нашу стрельбу во время атаки, – доложил один из бойцов-минометчиков.

Алексей понял, что вся ответственность теперь ложится на него. Командир роты выбыл из строя и, по всей видимости, ему потребуется не только медсанбат, но и госпиталь. Свалившаяся ответственность заставляла его предпринять действия.

– Необходимо обойти позиции, посмотреть, что к чему, – решил он и, прихватив свой ППШ, направился вдоль линии обороны, по ее кривым траншеям, которые успели отрыть в спешке наши бойцы.

Он шел, и ему становилось все больнее и больнее от удивленного. Снаряды не только проносились мимо или не долетали, но и попадали прямо в окоп или траншею, нанося непоправимый урон. Треть личного состава была выбита

артиллерийским и ружейным огнем немцев. Хоронить погибших пока нет времени, бойцы снаряжают диски, чистят оружие, готовясь к отражению новой атаки. Рваные клочья одежды, перемешанные с кровью и останками, валялись повсюду. Глаза Алексея постепенно свыкались с таким неизбежным положением военного дела.

И снова атака немцев, третья по счету за этот день. Бойцов у защитников становится все меньше и меньше, в то время как фашисты усиливают напор. До конца дня отбито пять атак гитлеровцев, но стойкость защитников не позволила их уничтожить или утопить в Днепре. Снова напряженная ночь. Шишкину становилось все хуже и хуже, он бредил и метался, крича команды. Алексей принимает решение – переправить командира в тыл, иначе может случиться непоправимое. Поручил это дело двум бойцам, которые соорудили носилки из двух винтовок и понесли раненого к реке. Это немного успокоило Алексея, и он прилег немного отдохнуть, забыв даже поужинать. Усталость и нервное напряжение взяли свое. Успел только распорядиться о несении караульной службы: мало ли что немцы задумают ночью.

Обстановка складывалась на данный момент не в пользу красноармейцев. Осталось меньше половины личного состава, переправившегося через Днепр.

«Нам бы продержаться еще день, а там подойдут наши или партизаны», – была его последняя мысль, и он погрузился в обрывочный, беспокойный сон.

Пробудился Алексей очень рано, лишь забрезжил рассвет. В голове тяжесть то ли от увиденных тяжелых снов-кошмаров, то ли от нерадостных будущих перспектив оставшихся на плацдарме бойцов. Но жизнь брала свое. Мгновенно поняв, где он находится, быстро встал и осмотрелся. Нужно действовать, дорога каждая минута.

«Наверняка немцы начнут день с обстрела наших позиций. Необходимо углубиться в землю, хоть этим спасемся».

Понял он, что вчерашний сценарий боевых действий немцев в точности повторится и сегодня. Он видит мертвецки спящих бойцов, и хотя ему их жаль, приходится подавать команду:

– Подъем!

Дважды ее повторять нет надобности, все быстро поднимаются, осознавая важность наступающего дня.

– Вгрызаться в землю! – раздается категоричный приказ Алексея, и бойцы взялись за саперные лопатки.

Работали молча, без разговоров и соленых шуточек, без которых русский солдат жить не может.

Времени хватило почистить оружие и немного окопаться, подправив обрушившуюся землю. Во время раздачи продуктов Алексей видит, что доставленные вместе с боеприпасами фронтные «сто граммов», находящиеся в небольшом бачке, почти не тронуты.

– И чего жалеть эту водку!

Принимает решение выдать каждому вместо «ста фронтных» все «сто пятьдесят фронтных».

– День предстоит трудный, а ребятам будет легче пережить все это, весь этот кошмар.

А что будет таким образом, он уже не сомневался ни одной минуты. Бочонок, с легкой руки Алексея, пошел по кругу, быстро опорожняясь.

– Да и стрелять будут прицельнее!

Он прекрасно знал, что боец, приняв немного водки, стреляет куда точнее. Сценарий боевых действий немцев снова повторяется почти с хронометрической точностью. В этот день немцы «вышли на работу» к восьми часам, спозаранку. Небесные стервятники с черными крыльями вновь кинулись на свою добычу, которую уже пытались уничтожить. Они сбрасывали бомбы и разряжали пулеметные ленты по беззащитным бойцам, сросшимся с землей. И многие из них за это время навеки слились с ней, отдав души свои на суд Божий.

И этот жуткий кошмар закончился для тех, кто все же остался жив. На этот раз фашисты сбросили на передний

край сотни бомб и пропахали землю из крупнокалиберных пулеметов вместе с телами бойцов. Их десятки – растерзанных, окровавленных, в рваных гимнастерках и брюках, раскиданных и лежащих в неопишуемых позах. Они уже никогда не поднимутся, не возьмут в руки оружие. И самое страшное – совсем нет времени, чтобы их похоронить как подобает, даже в братской могиле.

Пока пули и осколки минуют Алексея, на теле не единой царапины. Пара крупных авиабомб легли так, что часть траншеи, метров десять в длину, вздыбила разрывами эту траншею, заживо похоронив нескольких бойцов. И Алексею в очередной раз больно видеть такое.

Армада самолетов исчезла и все, кто остался в живых, понимают что вот-вот начнется новая атака. В этом они себе не откажут, тем более, полагая, что после всего этого на позициях русских мало кого осталось. В этот раз гитлеровцы применили танки, гудение моторов которых слышалось ночью. Алексей всматривается в окуляры бинокля, оставленного ему Шишкиным.

«Т-2», – определил он тип легкого танка. – Но и они могут натворить много бед».

– Быстро брать гранаты! – скомандовал он бойцам, помня, что противотанковых гранат они не брали. Сейчас он об этом крепко пожалел, но было поздно. От разрывов бомб барабанные перепонки заложило, и он плохо слышал, они надсадно болели.

– Ничего, со временем отпустит.

Танки почти вплотную подошли к нашим позициям, метров за сто пятьдесят, и, остановившись, открыли огонь из танковых пушек и пулеметов. Прятавшаяся за ними пехота высыпала из-за прикрытия их броневых щитов и повела самостоятельное наступление. Но под напором дружного огня пулеметов тут же залегла. Некоторые срочно скрылись за надежной броней. Алексей умоляюще смотрит на Петра, не приказывает, но тот все прекрасно понял:

– Давай, Петро. Кто еще, кроме нас, сможет это сделать.

– Хорошо, командир, все понятно.

Схватив по вязке гранат, он с товарищем, где вьюном, где перебежками, двинулся навстречу стальным громадинам, изрыгающим смерть.

«Эх, нам бы хотя одно орудие! – сожалел он, наблюдая за передвижением Петра и его товарища. – Необходимо им помочь».

Схватив трофейный ручной пулемет, он быстро раскинул у него сошки и взгромоздил на бруствер окопа. Несмотря на частый посвист пуль, принялся прицельно строчить по пехоте, срезая тех, кто пытался выдвинуться вперед танков. Тут он замечает, как еще двое бойцов, уже без его приказа, двигаются навстречу другому танку, по-пластунски, как на учениях, и со связками гранат в руках.

«Дай Бог добраться им до них, иначе всем нам хана...» – мысленно молился Алексей, наблюдая за их действиями и не забывая непрерывно прикрывать смельчаков огнем трофейного пулемета. (Очень удобная и хорошо продуманная машина смерти, придуманная немецкими оружейными мастерами. Затвор позволяет иметь не такую большую скорострельность, а значит и хорошую прицельность).

Пристрелявшись, он довольно эффективно прижимает фашистов к земле, многие из которых уже никогда не поднимутся. Постепенно пехота начала отставать, и танки вырвались вперед.

«То, что нам и нужно!» – мелькнуло у него в голове.

Лента закончилась, и Алексей быстро перезаряжает пулемет, успевая наблюдать за происходящим. Ему хорошо видно, как крупный Петр и его щупленький товарищ приблизились к танку на близкое расстояние. Им обоим везет. Пулеметчик в танке торопится, и строчки пуль из его оружия вздыбливают землю то за ними, то совсем рядом от них. Но, несмотря на это, они упорно приближаются к цели.

– Лишь бы не промахнулись!

Алексей мгновенно переводит огонь по танку, ловя на мушку люк механика-водителя, а затем и изрыгающий

пламя ствол пулемета. Вот бойцы совсем рядом от цели и Алексей прекращает огонь. Невзначай можно задеть своих. В это мгновение Петр поднимается во весь свой громадный рост.

Бросать тяжелую связку лежа, очень неудобно, и можно ее не добросить до цели. А нужно обязательно в гусеницу, чтобы ее перебить. В другие лобовые части танка швырять бесполезно – выдержит броня. Танк идет чуть наискось от Петра и ему подставляется его левый бок с мелькающими на солнце траками гусениц. Швырнув связку, Петр быстро ложится на землю. Удачный разрыв трех гранат, смотанных случайной веревкой, порвал гусеницу. Танк, имея исправной всего лишь одну, начал поворачиваться, подставив бойцам свою кормовую часть. Другой боец воспользовался этим и метнул свой заряд прямо в корму. Взрыв и – танк останавливается. От таких двух ударов он навсегда застыл на месте, а через минуту из него потянулся шлейф черного, густого дыма.

Досталось от красноармейцев и другой стальной громадине – завертелась на одном месте. С ее катков медленно скатилась перебитая гусеница, сверкая начищенными о землю траками.

Откинулась крышка башенного люка, и из нее шустро выскочили два танкиста, одетые в шлемы и комбинезоны, и задали ходу в сторону своих. Но бойцам того и надо – не дали далеко уйти фашистам. Упали, как подрезанные, друг за другом и уже не делали попытки спасти свою жизнь бегством. Неожиданно раздался мощный, тяжелый взрыв чадающего танка. Взорвались остатки снарядов боезапаса, и башня танка, словно игрушечная, отлетела в сторону, воткнувшись стволом пушки в землю.

Немцы прекрасно видят исход танковой атаки и уже, не чувствуя свою защищенность, откатываются на исходные позиции. Бомбардировка самолетами и напряженная атака танков с пехотой дорогой ценой обошлись нашему десанту. Оставив свой командный пункт, Алексей почти бегом направляется вдоль своих позиций, быстрым и цепким

взглядом осматривая то, что осталось после боя. Ему горько видеть, что произошло. Большая часть бойцов погибла, и уже никто из них не встанет в окоп. Он насчитал восемь оставшихся в живых ребят, совсем молодых, которых еще не заделали пули и осколки.

Много раненых, больше десятка человек.

– Где наши, почему не наступают? А же дал сигнал ракетами.

Алексей разговаривает с самим собой, но, не найдя ответа, занялся вопросами организации обороны. Он прекрасно осознавал, что и немцы неплохо осведомлены о том, какое количество бойцов может остаться у красноармейцев. Тем более, что низко над позициями, с монотонным гудением, медленно прошла «рама», немецкий самолет-разведчик с двумя фюзеляжами, за что и получил такое наименование. И в очередной раз горько пожалел, что у него нет связи с полком. И что немцы непременно воспользуются случаем смять оставшуюся в живых горстку упрямых, измученных бойцов, которых не взять ни бомбой, ни снарядом, ни пулей.

Беда и выручка – станковый пулемет «Максим», несмотря на все перипетии происходящего вокруг, остался цел и даже не поврежден. Просто погиб пулеметчик, свалившись в воронку от рядом разорвавшегося снаряда.

– Готовьте пулемет к бою. Соберите все оставшиеся ленты и долейте воды в кожух, – приказал он двум рядом находящимся бойцам, даже не спросив их о том, умеют ли они обращаться с пулеметом.

Приказ есть приказ, и он должен быть выполнен в любом случае, тем более других людей нет. Некоторые из бойцов бросились к лежащим в поле убитым немцам, чтобы собрать трофейное оружие и боеприпасы. Свои давно были на исходе, а патроны ой как нужны. Один из двух ротных минометов был основательно поврежден прямым попаданием снаряда, но другой уцелел. Из расчетов в живых осталось двое. Оставив одного из минометчиков вести огонь,

другого направляет к ручному пулемету на фланг, взамен погибшего пулеметчика.

– Давай к дегтярю, приведи его в порядок и находишься при нем.

Собранная и расставленная Алексеем горстка бойцов, хотя и редкой цепью, приготовилась как надо встретить фашистов. Всех раненых собрали, перевязали и разместили в центре вновь созданной обороны. Некоторые из них взяли оружие, намереваясь также встретить гитлеровцев огнем.

Помогая друг другу, они заряжали оружие и снаряжали запасные магазины патронами. Погибать за просто так никто из них не собирался.

«Это есть наш последний и решительный бой...»

Пришли на ум слова из широко известной песни, и ему стало немного грустно. Умирать, когда тебе чуть за тридцать, никак не хотелось, да и другим тоже.

Но он командир, ему никак нельзя раскисать. Несмотря на смертельную усталость, необходимо выглядеть, как подобает уверенному в себе человеку. Бойцы смотрят на него с надеждой, в глазах немой вопрос. Алексей прекрасно их понимает и успокаивает:

– Ничего, ребята, продержимся, скоро подойдут наши.

Впереди снова замелькали знакомые до ненависти фигуры немцев в уже примелькавшейся серо-зеленой униформе.

Прекрасно понимая, что впереди у них всего лишь редкая цепочка измотанных непрерывными боями бойцов, они, словно оголтелые, хлебнувшие для храбрости шнапса, кинулись на окопы, рассчитывая на большой скорости бега ворваться в окопы русских. Их немало в этот раз, больше сотни, охваченных единым стадным порывом, к тому же подгоняемых офицерами.

– Рота, приготовиться к отражению атаки! – нарочито громким и уверенным голосом скомандовал Алексей, назвав всего нескольких бойцов «ротой». – Патронов не жалеть! Огонь!

Ударили сразу же из нескольких стволов. Но, несмотря на очень интенсивный огонь, немцы неудержимо приближаются, оставляя по пути немало убитых и раненых.

Расстояние между немцами и окопами становится реально опасным, метров сорок.

– Гранаты! – решив опередить немцев,скомандовал он.

Иначе фашистские гранаты полетят в свои окопы. Кричит он громко, стараясь перекричать звуки стрельбы. Тут же, схватившись, сам швыряет в набегающих одну за другой пару трофейных гранат. Серо-зеленый вал катится все ближе и ближе, несмотря на буквально режущий огонь пулеметов и стены взрывов, которые буквально сметают передние ряды атакующих. Но задние, разгоряченные боем, напирают, перескакивая через трупы, и устремляются вперед. Уже хорошо можно рассмотреть лица солдат, отрешенных от иного мира, с обезумевшими глазами и перекошенными ртами от истошных криков и команд. Рукава гимнастеров почти у всех закатаны по локоть, то ли для удобства, то ли для устрашения и придания самоуверенности.

Алексей не отрывается от пулемета, но вот закончилась лента, и он замолчал. Он мгновенно хватается за автомат, который заряжен полным магазином. Но стрелять из него уже нет времени. Волна наступающих накатилась на окопы, хотя перед ними уже на бруствере осталось немало убитых. Началась рукопашная схватка с теми, кто успел спрыгнуть или скатиться в траншею. В этот момент многие забывают, что у них имеется оружие, когда руки инстинктивно тянутся к горлу противника. На Алексея навалился мокрый от пота, худощавый немец. Затвор автомата не взведен и нет возможности стрелять. Видя, что русский немалого роста и довольно плотного телосложения, на помощь кинулся второй фашист, так как видит, что стрелять нельзя, можно задеть своего. Алексей, в доли секунды, разрешил эту проблему уже знакомым ему способом – случалось такое прежде. Схватив обоих за шиворот, словно маленьких мальчишек, ударяет лбами друг об друга. Металлический глухой

стук касок – и их тела становятся мягкими, повисшими в крепких руках Алексея.

Отшвырнув этот сразу потяжелевший, ужасный мертвый груз, он быстро хватается за свой автомат, лежащий на земле, и быстро передергивает затвор. Сразу же, длинной, непрерывной очередью стреляет во все еще набегающих немцев, опустошив половину магазина. Некоторые падают, другие продолжают набегать. Здоровенный немец, в руках которого автомат кажется игрушкой, успевает дать очередь по Алексею.

Боль обожгла правую руку и бедро. Хотя и крепок немец, стреляет неважно. Очередь прошла практически мимо. С левой руки Алексей успевает срезать этого немца, который падает к его ногам со страшным хлопаньем, словно мешок мяса.

И когда Алексею показалось, что фашисты задавят, уничтожат своей массой остатки защищающихся из последних сил бойцов, позади окопов раздалось долгожданное, такое родное «Ура!», вырывающееся из сотен глоток наших бойцов, переправившихся через Днепр и шедших на помощь своему первому десанту.

Бой был коротким и жестоким. Большая часть немцев была сразу уничтожена, и лишь некоторые из них успели спастись, унося ноги в свои тылы. К бойцам начали подходить красноармейцы основного десанта – чистые, со скатками шинелей, в отличие от замызганных грязью и перемотанных окровавленными бинтами остатков героев. Среди бойцов в форменной одежде Алексей видит людей в гражданской одежде и вооруженных нестандартным оружием.

«Партизаны!» – догадался он, глядя на их фуражки с красными звездами и потрепанную разношерстную одежду. В этот момент, в минуты настоящего счастья, все они были дороги и любимы для него. Алексей быстро делает перевязки, ему помогает медицинская сестра. Раненую руку повесили на бинте через плечо. Кровотечение остановилось, Алексей постепенно приходит в себя, осознавая все то, что случилось с ним и его товарищами.

К нему подходит командир полка Василий Рудаков. И хотя его лицо сияет и он приветливо улыбается, но говорит серьезно:

– Молодец, Уватов. Я не ошибся в тебе. Вы здесь сделали все возможное и даже невозможное. Возложенную задачу ты выполнил и даже перевыполнил. Родина не забудет твоего подвига, герой!

– Служу трудовому народу!

Алексей не стал прикладывать руку к голове, согласно уставу, так как свою форменную фуражку он давно утерять в бою.

– А сейчас срочно в медсанбат. Он переправился и уже на этом берегу, где-то поблизости.

Алексей шел вместе с другими ранеными по родной украинской земле и был счастлив оттого, что остался жив, что молод и многое в жизни еще впереди. Он видит Днепр теперь уже со своего, крутого берега, и его грудь переполняет чувство единения с этой великой рекой.

«Когда-нибудь вернусь в эти места после войны!» – подумал он, глядя на бескрайние просторы.

После войны

Идущий с западной стороны санитарный эшелон делал частые остановки на станциях, где имелись хорошо оснащённые госпитали. Постепенно все раненые бойцы попадали в руки хороших врачей, которые могли эффективно лечить тяжелые, долго не заживающие ранения. В одном из таких эшелонов направлялся в глубокий тыл на долечивание Алексей Никитович. Начинаясь 1944 год. До конца войны ещё далеко, но в воздухе уже витал запах победы. Раненые радовались, словно дети, приветствуя после очередного салюта в Москве очередную победу, одерживаемую Красной Армией.

В родном городе Черемхово А.Н. Уватова не оставили, как он ни уговаривал медперсонал: мест в госпитале не было. Ему было очень обидно и больно. Он сказал санитарке, чтобы она передала начальнику эшелона его просьбу. Если его не высадили в Черемхово, то он категорически просит, чтобы его оставили на станции Усолье-Сибирское, где есть отличный эвакогоспиталь, оборудованный в военное время на базе курорта. Начальник эшелона связался с госпиталем и, узнав, что там есть свободные места, дал «добро» Алексею Никитовичу. Руководство Усольского госпиталя было заранее предупреждено о том, что к ним на долечивание тяжёлых ран прибывает их земляк из Черемховского района, Герой Советского Союза.

Начальник госпиталя, майор Алексей Флорентьевич Васильев наказал бригаде санитаров, которые поехали встречать санитарный эшелон: «Смотрите там у меня, Героя земляка посадите в кабину».

Во главе бригады санитаров в этот раз поехал парторг В. Чашин. Встретить и сопроводить раненых, выехали заранее,

чтобы не опоздать к прибытию эшелона. Санитары, имея большой опыт, быстро перегрузили раненых и разместили в кузове автомашины ЗИС-5, укутав их в шубы и одеяла.

– Где же наш Герой? – никак не мог опознать А.Н. Уватова среди раненых озабоченный парторг. Ему всё казалось, что тот обязательно чем-то отличается от других. Парторг открыл кабину и увидел на сиденье, рядом с шофёром, бледного и худого, внешне ничем не отличающегося от других раненых, человека.

– Товарищ, вы Уватов А.Н., – спросил он.

– Так точно, Уватов.

Парторг пристально посмотрел в лицо пассажира, его он видел впервые. Волевые черты лица выдают недюжинные качества характера офицера. Что-что, а в людях парторг разбирался прекрасно.

– Вот и хорошо, будем знакомы: я – парторг госпиталя Чашин.

– Вы, кажется, тоже коммунист?

– Да, вступил осенью 1942 года.

– Ну, вот и отлично, наши ряды пополнятся.

– Товарищ парторг, может, вам уступить место в кабине? – извиняюще спросил его Алексей.

– Нет, нет, поезжайте, я со всеми – в кузове. У меня для этого и тулуп имеется, – и дал команду: – Поехали!

Шло время, молодость брала своё, и тяжёлые раны постепенно затягивались. Врачи госпиталя прекрасно знали своё дело, имея большой опыт. Раненые бойцы поступали сюда уже давно и регулярно.

Вскоре Алексей мог ходить самостоятельно и перемещался по всем корпусам госпиталя. Ему это было ой как необходимо. Совершенно неожиданно для себя он влюбился в медсестричку. Теперь он постоянно ходил по госпиталю, встречая «невзначай» то тут, то там свою любовь.

Произошло это так. В один прекрасный солнечный день к ним в палату зашла новая медицинская сестра, которую раньше Алексей не видел.

– Вам укол, Уватов.

Алексей, опешив, смотрел на неё и никак не мог понять, чего хочет от него эта красавица. Она чем-то неуловимо напомнила ему мать.

– Большой Уватов, если не будете слушаться, поставлю вам двойку, – пошутила она, видя его нерешительность.

Краснея от нахлынувших чувств, смешанных со стыдливостью, он кое-как справился с собой.

– Ой, совсем не больно. У вас золотые руки, – похвалил он. – Вы ещё придёте к нам?

– Конечно, ещё не одиножды. Как только будет моё дежурство.

Она тепло смотрит на Алексея, в её глазах смешинки.

– Как ваше имя? – робко спрашивает Алексей.

– Антонина, – и тут же поправилась, придав голосу сухость и официальность, – Антонина Степановна.

– А меня – Алексей.

– Вам, Алексей, необходимо соблюдать постельный режим. До свидания.

Она вышла из палаты, оставив Алексея в глубоких радужных размышлениях. Мысли о понравившейся миловидной девушке уже больше не покидали его.

Настрой на новую, счастливую жизнь благотворно влиял на процесс лечения. Раны быстро затягивались, глубокие рубцы стягивались. И вот настал долгожданный момент выписки из госпиталя. Медицинская комиссия признала его негодным к строевой службе. Ему выдали заключение о том, что он непригоден к военной службе, и определили ему вторую группу инвалидности. Конечно, Алексей Никитович, переживал, что больше не попадёт на фронт. Ничего не поделаешь, рука его никак не хотела подчиняться. А его любимая Антонина уговорила остаться жить в Усолье-Сибирском. С устройством на работу проблем не возникло. Он написал заявление о приёме на работу по вольному найму и с сентября 1944 года возглавил отдел вольнонаёмной службы (ОВС), его поставили на денежное довольствие. Алексей втянулся в трудовую деятельность госпиталя. Из Москвы пришёл вызов, и 26 декабря 1944 он отправляется

в столицу за получением медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина. Вернувшись из столицы, Алексей рассказал, как всё происходило.

Их, Героев, тепло приняли в Кремле. В приёмной всеозного старосты Михаила Калинина, кроме прочих, оказался почти полный двойник. Фамилия, имя, отчество одного из приглашённых полностью совпадало с данными Уватова Алексея, только тот, другой Уватов, приехал с Украины.

– Сначала нам нужен сибиряк, – разобрался в тёзках секретарь. Под овации из рук М. Калинина Алексей получил заслуженную боевую награду.

Вернувшись в Усолье-Сибирское, он продолжил работу в госпитале. Скоро наступили изменения в его жизни. Закончилась война, госпиталь вновь преобразовался в курорт. Было необходимо долечить раненых бойцов, у которых были тяжёлые ранения, поэтому преобразование произошло только в декабре 1945 года, когда победные залпы уже давно отгремели.

Курорт обзавёлся своим подсобным хозяйством. В районе нынешнего Зелёного городка курорту было нарезано тридцать гектаров земли для посадки овощей, из них три гектара было отведено под сад. Кроме этого, у курорта были поля в районе деревни Кочериково и на Красном острове. Образовалось большое тепличное хозяйство, которое называлось Конным двором. В районе 24б квартала находились замечательные охотничьи угодья, было много зайцев и лисиц. Алексей Никитович был заядлым охотником. Когда шёл сезон охоты, в выходные дни, в качестве загонщиков привлекались свои дети и дети брата Василия. Уже выросшие, они с удовольствием вспоминают то чудесное время. Выходные проводились на свежем воздухе, весело. Семья Алексея Уватова проживала по адресу: ул. Мира, 20.

С большой теплотой и любовью об А.Н. Уватове вспоминает директор музея истории курорта «Усолье» Роза Георгиевна Рукас, которая знала его лично, так как вместе они когда-то работали. Он уже заведовал хозяйственной частью, это был очень ответственный и хлопотный участок.

Кроме ремонтно-строительных дел необходимо было заниматься заготовкой продуктов. Это был один из самых важных моментов. Ждать помощи или поставок продуктов не приходилось, страна ещё была в разрухе. Людям, занятым восстановлением народного хозяйства, было совсем не до отдыха, а порой и не до лечения. Мужской силы не хватало, многое ложилось на хрупкие плечи женщин и подростков.

– Алексей Никитович всегда был опрятен и подтянут по военному. Ходил в кожаной куртке и кепке. Постоянно его сопровождала собака. С собаками он стал заниматься ещё до войны, во время службы в пограничных войсках в качестве кинолога. Там собака всегда была первым другом. Любовь к ним он сохранял всю свою жизнь.

– Роза Георгиевна, как относился к работе Алексей?

– Чего греха таить, иногда надевал награды, если требовалось что-то «выбить» для курорта. К подчинённым был требователен, но прежде сам являлся хорошим исполнителем. Был у нас такой интересный случай. Поручили двум грузчикам привезти в столовую курорта бочку капусты и бочку с огурцами. Те запрягли лошадь и уехали за грузом. Проходит время, а их всё нет и нет. Забеспокоился Алексей Никитович. Подвалы, откуда грузчики должны были привезти груз, были недалеко, в тепличном хозяйстве, находящемся через дорогу.

– Вот, якушкина мать, – была у него такая любимая поговорка, которую он произносил, когда что-то не получалось, – где же они?

Не дождавшись, решил сам пойти на поиски. Зайдя во двор хозяйства, он увидел весьма печальную картину. Лошадь, запряжённая в телегу, стоит у забора и спокойно щиплет траву. На телеге стоит одна бочка, а вторая, с капустой, лежит рядом с телегой на боку, из неё течёт рассол. Мужики сидят рядом с бочкой, распивают водку и закусывают капустой, вывалившейся из разбитой бочки. По их красным лицам и осололевшим глазам было ясно, что они уже изрядно пьяны.

Ах, ты, якушкина мать! – воскликнул Алексей при виде такого безобразия. – Вот я вас сейчас...

Мужики хорошо знали вспыльчивый характер начальника, который мог и кулаком приложить, воспитать по-мужски.

– Товарищ герой, простите нас, мы больше не будем – испуганно залопотали они. Конечно, воспитывать по-мужски их он не стал, однако, его появления и грозного вида было достаточно, чтобы привести в чувство захмелевших провинившихся мужиков.

Не любил Алексей Никитович пьянства не только на рабочем месте, но и во время выполнения иных дел, которые проводились в свободное время в выходные дни. Рассказывает об этом его друг Михаил Аринкин, ныне пенсионер в почтенном возрасте:

– Мне довольно часто приходилось встречаться с Алексеем Уватовым, особенно нас объединяла охота, которую я тоже очень любил. Это интересное и захватывающее действие. Порой и добыча не важна, а вот заряд бодрости получаешь на целую неделю. Прекрасное времяпрепровождение, время встреч со старыми и новыми друзьями. И, конечно, в таких условиях многие из нас желали это дело как-то отметить, выпить. Чаще всего это происходило в выходные дни, и расслабиться на свежем воздухе с помощью спиртного в тот день пожелали некоторые охотники. Время подходило к обеду. Стрелки и загонщики собрались вместе на обед. Все были уставшие, но довольные и веселые. После двух гонов добыча лежала общей кучкой. Было несколько крупных зайцев и пара рыжих лисиц. Разгребли снег, набросали сухих веток и валежника-тонкостоя и развели большой костёр. Все обогрелись, попили свежесваренного чая, многие продрогли до костей, стоя «номераами» в засаде. И, как водится, чего греха таить, вытащили из своих сумок бутылки: кто запечатанную сургучом «Московскую», а кто и бутылку мутного самогона. Всегда находились любители не только охоты, но и спиртного. Конечно, если разом выпить все эти запасы, то на дальнейшую охоту

рассчитывать нечего. Она плавно перетечёт в простое застолье, обычную пьянку. Отношение к алкоголю в первые послевоенные годы было для многих неоднозначным. Привыкшие к фронтовым ста граммам бывшие фронтовики и в мирное время не желали расставаться с этой закоренелой привычкой на беду производствам и на горе женщинам и детям. Таким образом, употребление спиртного было тяжёлым наследством, оставшимся от военных лет. Оно подрывало трудовую дисциплину, портило отношения между людьми.

– И, как вы думаете, что сделал Алексей, который тоже был в этой компании?

Он всегда верил в людей, доверял им, поэтому поступил очень необычно и однозначно, впоследствии охотниками часто вспоминаемый за этот неординарный поступок. Забрав у хозяев спиртное, которое те выставили вместе с закуской, а это были две бутылки водки и большая бутылка с самогоном, отнёс их на расстояние десятка метров, и поставил всё это на старый пень. Делал это молча, и не спеша. Взял свою двустволку и, зарядив её, выстрелил по бутылкам. Заряд дробы разнёс бутылки вдребезги, а от пня вместе с осколками бутылок и брызгами спиртного полетела древесная труха.

– Вот такой будет наша выпивка на сегодняшний день. Пора заканчивать с этим нехорошим делом. Давайте лучше просто пообедаем.

Вместо водки в этот раз мужики пили только чай. Они с любопытством и неподдельным интересом поглядывали на Алексея. А ведь раньше он был не прочь выпить с дружным охотничьим коллективом. Охота в тот день была удачной, и о том, что головы у охотников не шумели от алкоголя, те просто забыли в охотничьем азарте, словно ничего не произошло. Вот таким бывал иногда Алексей, таким мы его помним и сейчас. Он, словно живой, стоит перед моими глазами с ружьём в руках.

С большой теплотой вспоминает ветеран МВД, майор милиции в отставке Георгий Степанов, которому довелось

не только видеть Алексея, но и проводить совместно с ним заседания комиссий.

– Георгий Фёдорович, вам приходилось работать с Алексеем Никитовичем? Как это было?

– На службу в отдел внутренних дел я пришёл в 1969 году. После стажировки длительное время нёс службу в спецкомендатурах № 23, 26 по содержанию условно осужденных и условно досрочно освобождённых лиц из мест лишения свободы. В Усольском горисполкоме была создана комиссия, в состав которой входили опытные и авторитетные люди города. Комиссия решала вопросы о полном досрочном освобождении тех лиц, которые этого заслужили честным и добросовестным трудом на предприятиях города и достойным поведением в быту, без каких-либо замечаний. В этой комиссии также работал и Алексей Уватов, он участвовал в каждом её заседании. По всему было видно, что ему безразличны судьбы людей, однажды оступившихся, но решивших встать на правильный путь. Он их прекрасно понимал: по молодости и сам не отличался примерным поведением, поэтому советы, которые он давал этим людям, всегда были своевременны. В городе Черемхово, ещё до войны, будучи шахтёром, слыл отчаянным рубахой-парнем, умеющим постоять за себя и своих родных и друзей. Иногда он нам рассказывал о тех временах и тех далёких делах. Самым коронным вопросом, который задавал Алексей почти каждому, стоявшему перед комиссией кандидатом на освобождение, был такой: «А как смотрит профсоюз на ваше поведение? Не жалко ли ему отпускать из своих рядов такого работника?»

Воспитательной роли коллектива Алексей придавал огромное значение. Сам прошёл такую школу до войны на мельнице, затем на шахте №7, работая там откатчиком.

Не только мы, милиционеры, но и другие люди, пообщавшись с ним и видя перед собой настоящего живого Героя, становились в дальнейшем другими. Слушая его рассказы и задавая свои вопросы, люди стремились жить и трудиться так, как делал это Алексей Уватов. Он был для

всех каким-то светлым символом. Вот таким я и запомнил Алексея Никитовича. Его любовь к людям с верой в то, что человек может исправиться и встать на праведный жизненный путь, сойдя со скользкой извилистой дорожки, помогли ему самому жить так, как учит Закон Божий.

29 марта 1971 года Алексею Никитовичу исполнилось 60 лет, настало время выхода на пенсию. Но живая, привыкшая к труду душа не желала мириться с таким положением дел. Чтобы быть здоровым и жить долго, необходимо трудиться. Недолго думая, он отправился на приём к первому секретарю Усольского горкома партии Д.В. Зарукину, с которым был хорошо знаком, так как были они хорошими друзьями. Встретил его Д.В. Зарукин приветливо. Узнав причину визита, сказал: «Есть на примете одна организация, ищем руководителя. Возглавь-ка городское общество рыбаков и охотников. Это тебе под силу. На виду будешь, некогда будет скучать и жаловаться на стариковскую жизнь, да и зарплата будет хорошей добавкой к пенсии».

Вот так нашёл секретарь новое дело для Алексея Уватова. А ему это только и надо было, ведь очень он любил и охоту, и рыбалку. Принял он хозяйство Общества охотников и рыболовов под своё долгое руководство. Жизнь опять стала насыщенной и интересной, ведь в новом занятии совместилось хобби и работа, что благотворно сказывалось на жизни и здоровье. Выросли дети: сын Владимир и дочь Тамара, встали на самостоятельный жизненный путь.

И вдруг как гром среди ясного неба...

Рассказывает племянница Алексея Никитовича Светлана Васильевна Анищенко, дочь старшего брата Василия:

– Я очень любила своего дядю Лёшу. Он часто брал нас, подростков, на охоту, мы с удовольствием бродили по лесу в качестве загонщиков зайцев и лис, которых тогда было очень много. Он много времени уделял нам, рассказывал о повадках животных, об особенностях жизни каждого зверя, что водились в наших лесах.

– А что произошло, почему Алексей Никитович угодил в тюрьму?

– В Обществе, руководимом дядей, обнаружилась большая растрата. Возбудили уголовное дело, и его арестовали. Судья Галина Рылова подошла к его делу необъективно, поверхностно, не запросив дополнительного расследования. Этот формализм и привёл к тому, что Алексей Никитович был осуждён, после чего отсидел в тюрьме один год. Там у него заболели ноги, стало пошаливать сердце.

Благодаря коллективным усилиям, хлопотам, которые взял на себя его сын Владимир, добились в Верховном суде СССР провести новое заседание суда после проведения дополнительных следственных действий. Вторично состоявшийся суд полностью оправдал Алексея Никитовича, установив, что его подпись ловко поддельвала главный бухгалтер, осуществляя подлог и изымая из кассы Общества деньги. За свои преступные деяния она была осуждена.

Шёл 1988 год. Здоровье ветерана было подорвано тюрьмой, ему было очень тяжело морально и физически находиться там, вдвойне тяжелее, чем любому другому осужденному, по причине того, что он, Герой Советского Союза, невиновный, сидит в тюрьме. От этих переживаний у него произошёл инсульт и 24 августа 1990 года он скончался. Алексей Никитович похоронен на Усольском городском кладбище, недалеко от центрального входа.

Время бежит быстро. Наступил день, когда ему исполнилось бы сто лет со дня рождения. Сто лет – век стремительных революционных изменений в укладе нашей жизни. Меняется менталитет, отношение к прошлому, особенно у подрастающего поколения. Хорошо это понимает председатель Усольского городского совета ветеранов Фёдор Фёдорович Мирошников.

– Забывая прошлое, мы стираем будущее, – говорит он и предпринимает практические шаги, чтобы всего этого не случилось с нашим обществом.

А ещё он говорит всем нам: «В настоящее время мы живём потому, что есть на свете такие защитники Отечества, как наш земляк, Уватов Алексей Никитович. Вечная ему слава и светлая память!»

Семья Уватовых

Нижний ряд (слева направо): Антонина Степановна – жена А.Н. Уватова,
Федор Степанович – дядя, Агафья Семеновна Уватова – мать.
Верхний ряд: Анатолий Уватов – племянник, Уватов Алексей Никитович

Братья Василий Никитович и Алексей Никитович Уватовы

Уватов А.Н. в гостях у тети в г. Зима
Рядом стоит Евдокия Семеновна – сестра матери,
Соболева Мария Александровна – двоюродная сестра

Сто лет со дня рождения А.Н. Уватова. На его могиле.
Справо налево: Ф.Ф. Мирошников – председатель городского Совета ветеранов, Л.М. Закирова – племянница, М. Аринкин – друг А.Н. Уватова, В. Лохов – автор, С.В. Анищенко – племянница

**Брат Василий Никитович Уватов справа крайний,
курсант военных курсов в г. Иркутске**

Брат Уватов В.Н. 1977 год

**Мать Уватова А.Н.
Уватова Агафья Семеновна. 1889–1961 гг.**

Валерий Лохов

Ударный взвод

Повесть

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 21.07.2011 г. Формат 60/84/16.
Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 4,06.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 177.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru